

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт Права

(наименование института полностью)

Кафедра «Гражданское право и процесс»

(наименование)

40.04.01 «Юриспруденция»

(код и наименование направления подготовки)

«Гражданское право; семейное право; международное частное право»

(направленность (профиль))

**ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
(МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)**

на тему «Компенсация морального вреда как мера гражданско-правовой ответственности»

Студент

О.В. Акмайкин

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Научный
руководитель

доктор юридических наук, доцент, А.А. Гогин

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2020 г.

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1 Понятие и виды личных неимущественных прав и нематериальных благ.....	9
1.1 Историко-правовые предпосылки и современные тенденции развития института охраны личных неимущественных прав.....	9
1.2 Классификация и прикладная дефиниция личных неимущественных прав и нематериальных благ.....	24
Глава 2 Защита нарушенных личных неимущественных прав и нематериальных благ.....	32
2.1 Способы защиты нарушенных личных неимущественных прав и нематериальных благ.....	32
2.2 Проблемы охраны личных неимущественных прав и нематериальных благ при их нарушении в сети Интернет и в других источниках информации.....	41
Глава 3 Компенсация морального вреда как способ защиты нарушенных прав.....	45
Заключение.....	65
Список используемых источников и используемой литературы.....	70

Введение

Актуальность темы исследования. Норма о компенсации морального вреда была включена в Гражданский кодекс Российской Федерации (ст. 151) более четверти века назад, в 1994 г. Между тем, в силу стремительно изменившихся реалий, а также на копившихся за это время проблем, как то значительный скачок в области информационных технологий, при одновременном росте нарушений прав в глобальной сети, закрепленный механизм защиты личных неимущественных прав граждан становится менее эффективным. Указанное обстоятельство объективно предопределяет необходимость проведения дальнейших исследований в данной сфере современных социальных отношений. В ст. 151 ГК РФ предусмотрен «порядок определения судом размера компенсации морального вреда исходя из степени вины нарушителя и иных заслуживающих внимания обстоятельств, а также степени физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, которому причинен вред» [19].

В более широком ключе рассматривает моральный вред Верховный Суд РФ. Согласно п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10 от 20.12.1994 г. «Под моральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т.п.), или нарушающими его личные неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности) либо нарушающими имущественные права гражданина» [1].

Вместе с тем, на сегодняшний день отсутствует общепринятая методика определения размера компенсации морального вреда, хотя Верховный Суд РФ уже неоднократно рекомендовал ее разработать. В результате, суды не имеют четких ориентиров по делам соответствующей тематики, что влечет за собой, как правило, символическую компенсацию морального вреда. Поэтому нередко, означенная мера юридической ответственности не выполняет компенсаторную и превентивную функции.

Объектом исследования являются социальные отношения гражданско-правового характера, возникающие при нарушении личных неимущественных прав граждан, и как следствие, компенсации морального вреда как меры гражданско-правовой ответственности.

Предмет исследования составляют нормы отечественного и зарубежного гражданского законодательства, нормы международного права, нормы подзаконных актов, возникающие при посягательствах на личные неимущественные права граждан, российская и зарубежная правоприменительная, в том числе, судебная практика в области компенсации морального вреда.

Всемирная сеть Интернет, как и другие средства коммуникации развиваются весьма стремительно, принята и действует Стратегия развития информационного общества в России на 2017-2030 годы [66]. Помимо этого, все больше защищается диссертаций, касающихся вопросов защиты личных неимущественных прав, компенсации морального вреда [25], [46], [65]. Однако указанные и иные работы, практически не затрагивают вопросов защиты личных неимущественных прав в сети Интернет, а также особенностей расчёта компенсации с учетом каких-либо частных особенностей и иных обстоятельств.

Цель и задачи диссертационного исследования. Цель исследования – проанализировать проблемы гражданско-правового регулирования общественных отношений, возникающих в результате нарушения прав граждан при причинении им морального вреда с учетом современных реалий.

Задачи исследования: провести историко-правовой анализ развития личных прав, акцентируя внимание на личных неимущественных правах и нематериальных благах; рассмотреть действующих на территории Российской Федерации норм, регламентирующих компенсацию морального вреда; провести анализ решений Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, Высшего Арбитражного Суда РФ по вопросу определения размеров компенсации морального вреда; выработать и сформулировать предложения по совершенствованию отечественного законодательства в области отслеживания и фиксации нарушений личных неимущественных прав и при посягательстве на нематериальные блага, а также в сфере компенсации морального вреда.

Научная новизна определяется комплексным исследованием вопросов компенсации морального вреда как меры гражданско-правовой ответственности с учетом современных правовых реалий.

Теоретическая основа диссертационного исследования. Теоретической основой настоящего исследования явились труды представителей, как науки «Теория государства и права», в особенности, специализирующихся на теории личных прав человека и общей теории юридической ответственности, а также труды исследователей-цивилистов: И. Д. Андреева, И. А. Близнаца, Н. В. Витрука, О. С. Иоффе, В. И. Серебровского, В. Н. Синельниковой, Л. Б. Ситдиковой, Е. А. Суханова, В. Д. Шалагина, А. М. Эрделевского и др.

Нормативную основа исследования составили: Конституция РФ, Гражданский Кодекс РФ, федеральные конституционные и федеральные законы, а также законы РФ и иные нормативные правовые акты.

Эмпирическую основу составили постановления и определения Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, Высшего Арбитражного Суда РФ, обзоры судебной практики, решения первой, апелляционной и кассационной инстанций судов общей юрисдикции, постановления Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), решения судов отдельных

иностранных государств, статистические данные и аналитические материалы, публикации в СМИ и сети Интернет по исследуемой тематике.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования. Теоретическая значимость заключается в том, что выработанные в ходе изыскания выводы и рекомендации автора могут быть использованы для совершенствования существующего понятийного аппарата и правовых нормы, а также для дальнейшего научного исследования; регулирования отношений по защите нематериальных благ и личных неимущественных прав, что позволяет углубить научное знание. Теоретически проработан вопрос в направлении оптимизации методики определения размера компенсации морального вреда, что создает качественную и разностороннюю теоретическую базу для последующего применения на практике.

Практическая значимость результатов исследования определяется возможностью их использования в нормотворческой и правоприменительной деятельности.

Методы диссертационного исследования. Методологическую базу исследования составляют общенаучные и специальные методы: диалектический, системного анализа, исторический, логический, собственно-юридический, сравнительно-правовой.

Степень достоверности и апробация результатов диссертационного исследования. Статья «Моральный вред: понятие, признаки и иные сопутствующие элементы» была опубликована в материалах LXV Международной конференции «Свобода и право», Кемерово, 2020.

Положения, выносимые на защиту. Первое. Личные права могут пониматься как в объективном, так и в субъективном смысле. В объективном смысле личные права представляют собой целостный институт частного права, то есть совокупность официально установленных норм, санкционированных правопорядком и признающих за гражданами наличие у них от рождения или в силу закона неотчуждаемых и непередаваемых

нематериальных благ. Субъективное личное право следует рассматривать как разновидность субъективных гражданских прав, а именно как юридически гарантированную меру личной свободы гражданина по реализации возможностей, заложенных в правовой норме, закрепляющей принадлежность человеку нематериальных благ. Субъективные личные права обладают следующими признаками: 1) принадлежность физическим лицам, поскольку они производны от личности человека; 2) нематериальный характер тех благ, принадлежность которых эти права закрепляют; 3) абсолютность.

Второе. Объектом правовой охраны является не собственно само нематериальное благо (жизнь, здоровье, честь, достоинство и деловая репутация, имя и т.п.), а юридическая возможность носителя этого блага свободно и автономно распоряжаться указанным благом, а также требовать от третьих лиц уважения и соблюдения целостности и неприкосновенности данного блага.

Личные права осуществляются на основе двух общих принципов - невмешательства кого-либо в частные дела и диспозитивности (т.е. осуществление прав по усмотрению управомоченного лица). Исключения из обоих принципов допускаются при наличии легитимирующего публичного интереса.

Третье. Наиболее распространенными в делах о защите личных прав являются диффамационные споры, в связи с чем возникает необходимость в разграничении понятий чести, достоинства и деловой репутации гражданина. «Честь» охватывает комплекс объективно сформировавшихся и устоявшихся в социуме положительных представлений о должном поведении и личных характеристиках среднего, а не конкретного человека. «Деловая репутация» отражает объективно сформировавшиеся и устоявшиеся в профессиональном сообществе представления о должном поведении и деловых качествах среднего, а не конкретного участника оборота. В отличие от чести и деловой репутации достоинство как нематериальное благо представляет собой

субъективную категорию, обозначающую внутреннюю, собственную самооценку физических и духовных качеств человека, его способностей, социального значения и тому подобное.

Четвертое. Компенсация морального вреда выступает как мера гражданско-правовой ответственности за нарушение личных прав граждан. Вместе с тем, в настоящее время отсутствует легальное определение гражданско-правовой ответственности, в связи с чем автор выступает за внесение соответствующих изменений и дополнений в действующее гражданское законодательство.

Пятое. Требование о компенсации причиненного истцу морального вреда может выступать, как в качестве основного требования, так и в виде дополнительного, наряду с другими требованиями.

Шестое. Упрощению сбора доказательств по делам о компенсации морального вреда будет способствовать внедрение в практику судов в качестве доказательств в гражданский процесс мер по обеспечению доказательств до предъявления иска в суд, а также внедрение в практику судов принятия в качестве доказательств иных средств доказывания (скриншотов, аудио и видеозаписей, осмотр спорной информации Интернет-сайте).

Седьмое. Необходима корректировка ч. 3 ст. 34 Закона РФ «О средствах массовой информации» в части увеличения срока хранения записи телепередачи. По общему правилу срок хранения записи телепередачи составляет один месяц, однако, в этой же статье установлен двенадцатимесячный срок хранения аудио- и видеоматериалов, касающихся предвыборной агитации или же агитации по вопросам референдума. Таким образом, частные интересы находятся в меньшей защите, чем публичные. Считаю необходимым установить единый срок хранения телепередач – двенадцать месяцев.

Восьмое. Требуется введение в ст. 1101 ГК РФ правовой категории «минимальный базовый размер компенсации морального вреда», что

позволит уменьшить или исключить субъективный момент в расчетах размера компенсации морального вреда.

Девятое. Необходима разработка и внедрение комплекса мер, стимулирующих общественные процессы, направленные на профилактику и пресечение правонарушений, связанных с посягательством на нематериальные блага и личные неимущественные права граждан.

1 Понятие и виды личных неимущественных прав и нематериальных благ

1.1 Историко-правовые предпосылки и современные тенденции развития института охраны личных неимущественных прав

Теория личных прав имеет достаточно долгую историю и в разных периодах ее развития подходы к понимаемой рассматриваемой категории прав были неоднозначными. Определенные задатки данной теории исследователи отмечают в римском праве. Так, английский юрист К. МакКрудден утверждает, что в классическом римском праве нематериальные блага (главным образом *dignitashominis*) были атрибутом правового статуса гражданина и даже социальных институтов в целом, а не человека *per se*. Однако в последующем сам же автор признает, что еще в работах Цицерона есть примеры использования *dignitashominis* в качестве универсальной характеристики всякого человека [3, Р. 757].

По мнению Ч. Санфилиппо: «в отличие от современного права в соответствии с *iuscivile* простого материального существования субъекта было недостаточно для признания в нем юридической личности. Для того чтобы индивидууму можно было придать правоспособность, надо было, чтобы он находился в определенном состоянии (*status*) в отношении *iuslibertatis*, *iuscivitatis* и *iusfamiliae*» [50, с. 77].

Со второй половины XIX столетия в европейской литературе все более последовательно проводится идея о необходимости гражданско-правовой охраны неимущественных благ и интересов [67, с. 53]. Отечественные юристы не оставались в стороне от исследования данной тематики, и одним из первых ученых, писавшем о неимущественных правах и интересах, был Е.В. Пассек. В частности, он отмечал, что имеют место «юридические отношения, которые касаются такого рода благ, интерес (т.е. то значение, которое их наличности субъектом придается) и ценность их (т.е. то свойство, в силу которого им придается значение) ни по отношению к имуществу, ни с

помощью денег оценены быть не могут» [31, с. 54]. Хотя он, в целом, переводил дискуссию о неимущественных интересах в область сугубо обязательственного права, следует признать, что именно этот исследователь одним из первых в русскоязычной юриспруденции показал, что неимущественный интерес требует специальной гражданско-правовой охраны.

Одним из поворотных моментов в развитии теории личных прав стало развитие продвижение в странах Запада теории прав человека в послевоенные годы прошлого столетия. В частности, важную роль для развития института личных прав сыграла Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (ратифицирована Российской Федерацией в 1998 г.), отдельные положения которой послужили «общей частью» института личных прав [4, Р. 70]. При этом наша цивилистика долгое время (практически до 1980-х гг.) развивала учение о личных правах в отрыве от доктрины прав человека, ввиду идеологического неприятия таковой.

В отечественной науке теоретические вопросы содержания и структуры субъективного права получили наибольшее развитие в советский период. Однако первоначально (примерно до 1950-х гг.) дискуссия в данной сфере строилась вокруг обсуждения главным образом дореволюционной и западноевропейской доктрины, которые, в свою очередь, выводили содержание субъективного гражданского права из воли и интереса управомоченного лица [2, Р. 113].

В первом случае субъективное право рассматривалось как обеспеченная объективным правом область проявления воли (в особенности получила поддержку концепция субъективного права как *Wollendurfen* Б. Виндшейда). Однако подобный подход уже на рубеже XIX - XX вв. встретил сопротивление юридической теории и отчасти практики. Нежизнеспособность такого понимания субъективного права обнажается при его приложении к личным правам. Так, например, Гражданский кодекс

Германии (BGB) уже в рабочей редакции признал право на имя за всеми гражданами без установления изъятий в том числе для малолетних.

Очевидно, что новорожденный не имеет соответствующей воли на обладание именем и осуществление отдельных правомочий, следующих из данного права [34, с. 24]. В.И. Синайский подчеркивал, что понимание субъективного права как господства воли, власти «слишком формально (речь идет о воле, о власти, а не о самих благах) и даже противоречит фактам жизни (субъективные права имеют люди, лишённые вполне или отчасти воли, безумные, дети и т.п.)» [49, с. 57]. Также выдвигаемая теория не в полной мере отвечала на вопрос, как осуществляется господство воли (власти) над такими нематериальными благами, как жизнь, здоровье, личные свободы и др.

Взамен означенному подходу пришел взгляд на субъективное право, как на обусловленную объективным правом возможность осуществления управомоченным лицом имущественного, а также «нравственного» (иными словами, неимущественного) интереса [69, с. 112]. При этом наиболее спорной оказалась последняя часть определения, предусматривающая включение в состав субъективного права неимущественного интереса.

Римское право отрицало возможность существования обязательств с «чисто» неимущественным содержанием (в частности, бытовые договоренности «не курить», «не играть в азартные игры» и т.п. не получили бы правовой защиты в Древнем Риме). Неимущественный интерес приобретал юридическое значение лишь постольку, поскольку это было необходимо для защиты имущественных прав и интересов римского гражданина. С этим категорически не соглашался И.А. Покровский, аргументация ученого была построена главным образом вокруг тезиса о том, что частное право должно защищать помимо прочего проявления человеческой индивидуальности, учитывать духовные потребности человека. Предложенный довод сомнению не подлежит. Но автор не объяснял то, как проявления человеческой индивидуальности будут реализованы и защищены

в нормах именно обязательственного права, оформляющего, как известно, динамику прав. Напротив, проявления человеческой индивидуальности, а именно нематериальные блага, по общему правилу носят неотчуждаемый характер и не могут быть объектами обязательственных прав (ст. 150 ГК РФ) [6].

Представляется, что неимущественный интерес может быть реализован и защищен в рамках обязательственного правоотношения при обязательном выполнении условия, что реализация и защита этого интереса носят вспомогательный, факультативный характер, не составляя основное содержание конкретно взятого обязательства. Следует присоединиться к позиции С.И. Вильнянского, что «трудно себе представить в гражданском праве обязательства с одним только неимущественным содержанием» [15, с. 273]. При таких обстоятельствах реализация и защита неимущественных интересов в рамках гражданско-правового регулирования подчинены более общей задаче по обеспечению имущественных интересов субъектов правоотношения.

В последующем дореволюционные и западноевропейские концепции субъективного гражданского права так или иначе дополнялись и корректировались уже в советский период, но в целом оставались достаточно близкими друг к другу по своей направленности. Одной из последних наиболее значимых работ в рассматриваемой области, методологически построенной на анализе субъективного гражданского права сквозь призму воли и интереса, стала диссертация О.С. Иоффе (1949). В частности, автор пишет, что «субъективное гражданское право есть средство регулирования поведения граждан, осуществляемого нормами гражданского права, путем обеспечения определенного поведения других лиц, в целях удовлетворения интересов управомоченного, совпадающего с интересами государства или не противоречащих им» [23, с. 90].

В конечном итоге, следует признать, что фундаментальный недостаток этих теорий состоял в том, что все они практически не учитывали специфику

личных прав. По нашему мнению, данный факт, прежде всего, объясняется относительно слабо разработанной на тот исторический период самой теории субъективных личных прав.

В последующем большое количество сторонников находит точка зрения, высказанная С.Н. Братусем, что под субъективным правом следует понимать меру возможного поведения управомоченного лица [11, с. 90]. Практически все последующие интерпретации субъективного (в том числе гражданского) права так или иначе исходили из понимания того, что право представляет собой юридическую гарантию для определенного поведения носителя данного права, пределы (границы) которого устанавливаются непосредственно нормой закона.

Аналогичным образом рассуждал Л.Д. Воеводин: «Провозглашенные государством права и свободы всегда означают определенную для лиц юридическую возможность поступать так или иначе. Отсюда «возможность» есть тот исходный конструктивный элемент, который дает первоначальное представление о правах и свободах человека и гражданина. В правовом общении имеющиеся у лица права и свободы всегда ассоциируются с наличием у него предоставленных законом возможностей» [17, с. 22].

Однако признание субъективного права в качестве юридической возможности определенного поведения позволяет лишь отчасти ответить на вопрос о содержании субъективного права. Рядом ученых были предприняты попытки вычленив в структуре субъективного права его конститутивные элементы.

Так, Н.Г. Александров указывал, что субъективное право представляет собой «триединство» (1) вида и меры возможного поведения для обладателя субъективного права (правомочие на собственные действия); (2) возможности требовать известного поведения от других лиц - поведения, обеспечивающего реализацию первой возможности (правомочие требования); (3) право на защиту [18, с. 225]. Предложенный подход, хоть и сталкивался с некоторой критикой в литературе [63, с. 42], но именно он

получил наибольшую поддержку в отечественной литературе. При этом важно отметить, что модель субъективных прав означенного автора может рассматриваться в качестве универсальной, т.е. применимой и к личным правам [45, с. 11].

Можно ли говорить, что в составе всех личных прав присутствуют все три названные правомочия? Применительно к ряду личных прав (права на жизнь, честь, достоинство и деловую репутацию и др.) такая структура субъективных прав оказывается не вполне пригодной. Прежде всего, неясно, как можно реализовать правомочие на собственные действия в приведенных случаях.

Соображения подобного рода заставили отдельных цивилистов прийти к радикальному выводу, что личные права в принципе не являются полноценными субъективными гражданскими правами: «Если говорить о чести и достоинстве гражданина или организации, то очевидно, что до посягательства на них поведение данного гражданина и организации нельзя охарактеризовать с активной стороны и поэтому не представляется возможным применить понятие «возможности и обеспеченности определенного поведения». – утверждал В.А. Тархов [58]. Иными словами, личные права на честь и достоинство не возникают до самого момента их нарушения. Здесь также следует возразить: как может быть нарушено то, чего не существует? Этих вполне очевидных вещей не учитывают и некоторые современные исследователи, полагающие, что такие нематериальные блага, как жизнь, честь и здоровье, не могут быть признаны самостоятельными объектами гражданско-правовой охраны.

Вместо этого данные специалисты предлагают считать указанные нематериальные блага абстрактными объектами права [76]. Оставляя в стороне то, что предлагаемая концепция не соответствует нормам действующего российского и зарубежного гражданского законодательства, а также лишена практического смысла, дополнительно отметим, что предоставление управомоченному лицу права на защиту автоматически

влечет признание названных нематериальных благ объектами гражданско-правовой охраны.

В.А. Тархов признавал, что с момента нарушения у лица возникает «возможность определенного поведения» (по всей видимости, под такой возможностью ученый понимал право на защиту) и считал, что в структуре личных прав всегда отсутствует один из «несущих» элементов, а именно правомочие на собственные действия. Из этого следовало, что такие права в принципе не могут считаться субъективными правами в тесном смысле этого слова, в котором они традиционно понимаются отечественными цивилистами (т.е. как мера возможного поведения управомоченного лица).

С.А. Сеницын весьма обоснованно рассуждает, что «правовое значение личных прав состоит в юридическом признании автономии человека как личности, его защищенности от какого-либо незаконного вмешательства в его сферу свободы, благодаря чему гарантированная правом свобода выбора поведенческих актов ограничивает возможность произвола и не является объектом притязаний и властных велений государства» [52, с. 269-270].

На первый взгляд выделение личных прав во многом «разрушает» традиционные представления о субъективных гражданских правах, их содержании и структуре. При осуществлении личных прав не всегда имеет юридическое значение то, как лицо использует принадлежащее ему нематериальное благо (по крайней мере, данный вопрос в большинстве случаев имеет второстепенное значение).

В частности, закон не придает юридического значения тому, как лицо приобретает честь в обществе, как формируются его достоинство и деловая репутация в глазах общественности. Вышепоименованные аспекты относятся к числу действий фактического порядка и, в сущности, не интересуют законодателя, что в целом не свойственно имущественным правам и порядку их приобретения и реализации. В то же время гражданское законодательство четко называет честь, достоинство и деловую репутацию в качестве

основополагающих нематериальных благ и предоставляет соответствующую правовую защиту (ст. 150 и 152 ГК РФ).

Личные права хотя и являются разновидностью субъективных гражданских прав, однако обладают определенной спецификой, в связи с чем признаются правами *suigeneris*, иначе говоря, уникальными. К сожалению, не все общие определения субъективных гражданских прав учитывают индивидуальность личных прав.

В этом смысле уместно привести определение, предложенное М.С. Строговичем: «Субъективное право означает выраженные в норме и закрепленные в ней: а) возможность пользования определенными социальными благами; б) полномочие совершать определенные действия и требовать соответствующих действий от других лиц; в) свободу поведения, поступков в границах, установленных нормой права» [55].

Причем первый элемент субъективного гражданского права, названный ученым, имеет особенное значение для раскрытия содержания личных прав, поскольку именно он отражает основное регулятивное назначение личных прав, состоящее в признании самого факта принадлежности лицу нематериальных благ.

Остаются справедливыми слова Н.С. Малеина, что «абсолютный характер личных прав не характеризует их обладателей как пассивных субъектов, они активно пользуются такими правами» [27, с. 15]. Тем самым исследователь выступил против получившей распространение точки зрения, что личные права не содержат одного из главных правомочий - правомочий на собственные действия. Свой тезис исследователь убедительно аргументировал на примере права на имя: «Граждане не только имеют право на присвоение имени (отчества, фамилии) при рождении, но и могут их изменять (в определенном законе порядке), присваивать фамилию, отчество усыновляемым, давать свое имя научному открытию; граждане-авторы могут опубликовать свое произведение под своим именем, под псевдонимом или анонимно» [27, с. 16].

Личные права представляют собой классическую разновидность субъективных гражданских прав и по общему правилу включают следующую триаду правомочий:

1) правомочие на собственные действия. Согласно сложившемуся в российском правоприменении подходу осуществление неимущественных прав предполагает активные действия субъектов, претендующих на правообладание. Так, автору произведения архитектуры, градостроительства или садово-паркового искусства законом предоставлено право на осуществление авторского контроля за разработкой документации для строительства, а также право авторского надзора за строительством здания или сооружения либо за иной реализацией соответствующего проекта (п. 2 ст. 1294 ГК РФ). Осуществление этих правомочий возможно лишь путем совершения активных правомерных действий самим автором. Более того, это право имеет своей целью» создание дополнительной правовой защиты от искажения авторского замысла» [25].

При этом в случаях, когда «управомоченное лицо осуществляет принадлежащие ему личные права своими фактическими действиями (например, создает представление у окружающих о собственной репутации) вне рамок права» [26, с. 887-888], следует говорить об усеченной структуре отдельных субъективных личных прав;

2) правомочие требования носителя субъективного права, направленное неопределенному кругу лиц, воздержаться от нарушения его права следует рассматривать в качестве необходимого условия не только реализации, но и защиты личных прав (т.е. осуществления всех других правомочий, входящих в состав субъективного личного права). При этом абсолютный характер личных прав обеспечивает возможность управомоченного лица требовать от всех лиц воздержаться от возможных нарушений вне зависимости от прямого указания в законе на данное обстоятельство.

К примеру, согласно ст. 152.1 ГК РФ обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина допускается только с согласия этого гражданина. Несмотря на то что в законе прямо не провозглашается абсолютный характер права на изображения, данное право защищается от противоправных действий неопределенного круга лиц; 3) правомочие на защиту обеспечивает носителю права или его представителю юридическую возможность обращения в суд или другой юрисдикционный орган с требованием о защите нарушенного личного права.

Указанное правомочие тесно связано, хотя и не идентично ему, с правом на справедливое судебное разбирательство: различие этих прав состоит в том, что право на справедливое судебное разбирательство представляет собой самостоятельное субъективное публичное право, гарантируемое нормами международного публичного, конституционного (государственного) и процессуального права, тогда как правомочие (право) на защиту представляет собой элемент субъективного гражданского права.

В то же время взаимосвязь и взаимообусловленность названных прав состоит в том, что право на справедливое судебное разбирательство является условием (предпосылкой) реализации гражданского правомочия на защиту. Кроме того, важно подчеркнуть, что законом в ст. 150 ГК РФ допускается использование как общих (ст. 12 ГК РФ), так и специальных способов защиты гражданских прав (ст. 151 ГК РФ), что позволяет в наибольшей степени обеспечить юридическую защищенность управомоченного лица.

Главный недостаток этих теорий состоял в том, что все они практически не учитывали специфику личных прав. В первую очередь, сложившееся положение объяснялось главным образом относительной неразработанностью самой теории субъективных личных прав и их существенными ограничениями в нашей стране на протяжении длительного периода времени.

В настоящий момент, вне зависимости от наличия многочисленных негативных аспектов в жизни российского общества и государства следует

признать, что целостность системы прав человека и гражданина в самых различных общественных сферах обусловлена единством принципов равноправия и социальной справедливости.

Принцип равноправия, сформировавшийся еще в период антифеодальных революций, следует понимать, как равенство в обладании всем объемом исходных прав человека и гражданина, закрепленных в отечественном отраслевом законодательстве, перед которыми все равны. В свою очередь, необходимость взаимодействия различных видов равенства нашел свое выражение в принципе справедливости, ставшим краеугольным фундаментом социальных, экономических и культурных прав. Международное и российское законодательство признают равноценность обоих принципов, в соответствии с которыми перечень ныне существующих прав и свобод, продолжает динамично развиваться. На этом фоне всесторонняя защита нематериальных благ и личных неимущественных прав выступает в качестве одного из проявлений государственного обеспечения личной неприкосновенности человека и гражданина.

1.2. Структурные подходы к определению понятий «нематериальные блага» и «личные неимущественные права»

В качестве объектов гражданского законодательства ГК РФ (ст. 128) выделяет, в числе прочих, нематериальные блага [27]. В тоже время в статье не дается определение означенной категории. Лишь в ст. 150 ГК РФ представлен открытый перечень нематериальных и личных неимущественных прав: жизнь и здоровье; достоинство личности и личная неприкосновенность; честь и доброе имя; деловая репутация и неприкосновенность частной жизни; неприкосновенность жилища, личная и семейная тайна; свобода передвижения; свобода выбора места пребывания и жительства; имя гражданина и авторство. Подчеркнем, что вышеизложенный

перечень является открытым, поскольку, в указанной статье упоминается и об «иных нематериальных благах».

На наш взгляд, подобные законодательные конструкции, как минимум, приводят к сложностям при применении статьи на практике, и, как максимум, расширяют возможности для судебного усмотрения при разрешении споров о компенсации морального вреда, что, несомненно, является коррупциогенным фактором.

В результате корректировки в 2013 г. ст. 150 ГК РФ, такие нематериальные блага, как право на свободу передвижения, право на авторство, на имя, на свободное передвижение, право на выбор места жительства, стали относиться уже к категории «личных неимущественных прав» [71].

По словам И.А. Михайловой: «нематериальные блага не только отличаются от личных неимущественных прав, но отличаются друг от друга, что дает основание для противоположного вывода о том, что нематериальные блага и личные неимущественные права можно объединить и назвать их нематериальными ценностями» [28, с. 16].

Большинство ученых цивилистов признают личные права только за физическими лицами, поскольку деловая репутация юридического лица носит исключительно имущественный характер. Соответствующий подход подтверждается судебной практикой. В частности, в одном из своих актов, высшая судебная инстанция обоснованно поставила необходимость защиты деловой репутации юридического лица в прямую зависимость от тех имущественных последствий, которые влечет для хозяйствующего субъекта умаление его деловой репутации [28, с. 8].

Однако, иногда в литературе можно встретить весьма оригинальные исследования, где обосновывается отнесение к нематериальным благам юридических лиц «автономию воли, наименование, внешний облик, неприкосновенность конфиденциальной информации» [10, с. 8].

По мнению Н.В. Витрука «в праве происходит смешение в применении понятия «благо» тех благ, которые имеются от рождения (например, нематериальных благ, согласно ст. 152 ГК РФ) и «благ», которые предоставляются государством или обществом (например, пенсия, безопасность, льготы, возможности)»; разграничиваются: «духовные ценности», «духовные блага», «личные блага», «материальные блага» [16, с. 128].

Понятие «благо» рассматривается как философская категория. К примеру, в литературе присутствуют следующие определения:

- добро (греч. ἀγαθόν, лат. bonum, фр. bien, нем. Gut, англ. good): «понятие, издавна занимающее философов-мыслителей, играющее важнейшую роль в области общественной, экономическо-социальной, и потому входящее и в сферу государственной политики, вызывающее определенные стремления и мероприятия политического союза - государства» [13, с. 158];

- «одна из основных аксиологических категорий, обозначающая исторически исходный, подтверждаемый житейским опытом факт удовлетворения извечных потребностей, ожиданий и желаний людей при условии соединения их устремлений и усилий»;

- «в экономическо-социальном отношении под благом понимается все, что, имея ценность, может иметь и рыночную цену, следовательно, в обширном смысле понимаются все имущественные блага. На немецком языке Gut и на французском bien имеют и специальное значение недвижимого имущества. Имущественные блага создаются, приобретаются, меняются, распределяются на основании внутренних, управляющих хозяйственной жизнью экономических законов, изучаемых политической экономией. Приобретение ценностей или вещей, как отдельных, так и совокупности таких имущественных благ, имущества, влияет на общественное положение каждого человека, порождает различные

общественные классы, зависящие от количества имущественных благ, которых достигает и которыми пользуется каждый» [35];

- «самые значимые достижения человечества; то, что включает в себе определенный положительный смысл» [38].

В свою очередь, в юриспруденции категория «благо» может означать совершенно разные категории: работу, ценность, услугу и пр.

«Нематериальные блага - не имеющие денежной оценки объективно необходимые для каждого индивида условия его существования, физиологической и социальной жизнедеятельности, удовлетворяющие человеческие потребности в нематериальной сфере, отвечающие интересам, целям и устремлениям людей», - полагает Н.А. Темникова [59, с. 158].

О.Н. Садиков и И.Ш. Файзутдинов. говорят об объединяющих признаках нематериальных благ: «отсутствие материального содержания», «невозможность имущественной оценки», а также «неразрывная связь с личностью и неотчуждаемость от нее» [38, с. 151-152].

Одновременно, И.В. Бакаева выявляет признаки нематериальных благ: «неотчуждаемость, отсутствие имущественного (материального) содержания, невозможность денежной оценки, неразрывная связь с личностью носителя, общая направленность на обеспечение существования личности» [7]. Вместе с тем, исследовательница отмечает и особые, специфические свойства нематериальных благ. К их числу относятся: принадлежность определенному лицу; неотчуждаемость и непередаваемость иным способом, кроме законного, в качестве конституирующих их признаков.

Вместе с тем, в гражданско-правовой науке есть подход, связанный с возможностью денежной оценки нематериальных благ. Например, С.А. Слипченко пишет, что «развитие рыночных отношений вносит определенные коррективы в традиционное понимание нематериальных благ, связанные с «товаризацией некоторых личных неимущественных отношений», когда в качестве товара воспринимаются и используются не только имя или облик

гражданина, но и его голос, а также сведения о его частной жизни» [54, с. 43].

Кроме того, согласно позиции данного исследователя, нематериальные объекты, в известной степени, наделены потенциальной способностью участвовать в обороте, ибо при некоторых условиях они отделимы, могут быть оценены в деньгах и обладать такими свойствами, как товарность, а права на них носят экономическое содержание и рассматриваются, как имущественные.

В свою очередь, по мысли И.А. Михайловой, - «коммерческое использование отдельных нематериальных благ достигло такого уровня, что общепринятое хрестоматийное понимание нематериальных благ, уже не представляется бесспорным, поскольку имеются основания утверждать, что в настоящее время правовая природа, правовая сущность отдельных нематериальных благ трансформировались в прямо противоположную субстанцию - благ материальных» [29, с. 17].

Автор убеждена, что при определенных обстоятельствах право на имя, на неприкосновенность внешнего облика и частной жизни гражданина приобретают имущественный характер. В условиях информационной доступности сугубо материальную ценность также получают личная и семейная тайна. В частности, они становятся востребованным и высокооплачиваемым «товаром» в современной массовой культуре.

1.2 Классификация и прикладная дефиниция личных неимущественных прав и нематериальных благ

Тезис о взаимосвязанности личного и имущественного начал в гражданских правоотношениях не должен приводить к выводу о некорректности самой классификации прав на личные и имущественные. Так, в советский период нашей истории против деления прав на личные и имущественные решительно выступал В.И. Серебровский, обосновывая это

тем, что всякое субъективное право охраняет как личные неимущественные, так и имущественные интересы [51, с. 107].

В текущий момент ученые выделяют разные характеристики личных неимущественных прав. Например, Е.А. Суханов указывает, что «личные неимущественные права имеют индивидуально-личностную направленность. Возможность восстановления личных неимущественных прав или устранения их нарушения на будущее время прямо связана с компенсаторно-восстановительной функцией гражданско-правовых средств защиты как одной из важнейших характеристик метода гражданско-правового регулирования» [47, с. 158].

Вообще, личные права можно понимать как целостный институт частного (объективного) права, т.е. как совокупность правовых норм, санкционированных государством и закрепляющих за гражданами наличие у них от рождения или в силу закона неотчуждаемых и непередаваемых нематериальных благ [68, с. 93].

Следует поддержать мнение о том, что личные права это целостный институт частного (объективного) права, представляющий совокупность правовых норм, санкционированных государством и закрепляющих за гражданами наличие у них от рождения или в силу закона неотчуждаемых и непередаваемых нематериальных благ [68, с. 94].

Существенная специфика данного института состоит в том, что регулятивная функция государства носит усеченный характер и во многом ограничивается признанием за гражданами наличия у них определенных нематериальных благ, а также в установлении ответственности для третьих лиц за посягательство на эти блага. Публичная власть существенно ограничена (хотя и нужно оговориться, что не лишена соответствующей возможности) в нормировании отношений, возникающих по поводу порядка осуществления гражданами принадлежащих им субъективных личных прав. Это находит подтверждение в лаконичности положений закона в части определения порядка осуществления личных прав. Указанная проблема стала

причиной большой дискуссии в отечественной литературе о характере регулятивного воздействия на личные неимущественные отношения. Высказывалось мнение, что нормы гражданского права не регулируют, а только охраняют личные права (С.Н. Братусь, О.С. Иоффе) [24, с. 52].

Такая логика основывалась на следующей аргументации: «Честь и достоинство по своей объективной природе не способны выступать в качестве объектов какого-либо юридического нормирования, и право вообще, в том числе гражданское право, призвано только к обеспечению их охраны [46, с. 62].

Однако в последующем подобное узкое понимание правовой охраны было опровергнуто Е.А. Флейшиц и А.Л. Маковским, убедительно доказавшими, что предоставление нематериальным благам правовой охраны осуществляется путем законодательного урегулирования общественных отношений, возникающих по поводу этих благ [, с. 90]. В настоящее время формулировка ст. 2 ГК РФ дает все основания утверждать, что право именно регулирует личные неимущественные отношения.

На первый взгляд, столь малозначительная дискуссия, носящая главным образом терминологический (и в некоторой степени схоластический) характер, важна для понимания того, в какой мере правопорядок в лице публичной власти может вторгаться в наиболее закрытую сферу жизни человека и регулировать порядок осуществления человеком принадлежащих лично ему неимущественных прав.

По мнению М.Н. Малеиной, дифференциация данного вида прав может классифицирована следующим образом: «1) личные неимущественные права, обеспечивающие физическое и психическое благополучие (целостность) личности, в том числе право на жизнь, право на здоровье, право на физическую и психическую неприкосновенность, право на благоприятную окружающую среду; 2) права, обеспечивающие индивидуализацию личности в обществе, включая право на имя, право на индивидуальный облик и голос, право на честь, достоинство и деловую репутацию; 3) права,

обеспечивающие автономию личности (права на тайну и неприкосновенность личной жизни); 4) права, обеспечивающие охрану результатов интеллектуальной деятельности личности» [28, с. 140].

В зависимости от предметной принадлежности указанного вида прав, Е.А. Суханов выделяет: «1) личные неимущественные права, направленные на индивидуализацию личности управомоченного лица: право на имя, право на защиту чести и достоинства, а также тесно связанные с ним право на опровержение и право на ответ; 2) личные неимущественные права, направленные на обеспечение личной неприкосновенности граждан, включающие право на телесную неприкосновенность и охрану жизни и здоровья, право на неприкосновенность личного облика, а также право личного изображения; 3) личные неимущественные права, направленные на обеспечение неприкосновенности и тайны личной жизни граждан: право на неприкосновенность жилища, личной документации, право на тайну личной жизни, в том числе адвокатскую, медицинскую тайну, тайну совершения нотариальных и следственных действий, вкладов в банки и иные кредитные организации, личного общения, сведений, полученных средствами массовой информации» [48, с. 158].

Таким образом, следует констатировать, что в настоящее время понятия личных неимущественных прав и нематериальных благ являются собирательными. Условно их можно разделить на два уровня. Блага, относящиеся к первому уровню непосредственно связаны с самой личностью. Они объективно существуют вне зависимости от их правовой регламентации: честь, достоинство, деловая репутация. Вторым уровнем — это субъективные права: право на имя, право авторства и иные личные неимущественные права. Однако в любом случае при нарушении соответствующих прав они подлежат юридической защите на основании отечественного законодательства.

1.4. Проблемы охраны неприкосновенности частной жизни при нарушениях в различных источниках информации и коммуникации

Неприкосновенность частной жизни - важнейшее конституционное право человека и гражданина. Оно может быть ограничено лишь с согласия гражданина на сбор, хранение, использование и распространение информации о нем. С развитием различных средств массовой информации, информационно-коммуникационных систем, проблема обеспечения охраны неприкосновенности частной жизни получила новое звучание.

Исследователями отмечается, что «термин «средство массовой информации» появился в русском языке в 1970-х годах как перевод французского термина *moyens d'information de masse*. Во французском языке этот термин практически ушёл из употребления во второй половине 1960-х годов» [60].

В широком плане средства массовой информации «далее СМИ» понимаются, как «средство донесения информации (словесной, звуковой, визуальной) по принципу широкоэвещательного канала, охватывающее большую (массовую) аудиторию и действующее на постоянной основе» [54]. В связи с тем, что отсутствует какое-либо общее понятие для всех источников, средств и форм информации и коммуникации, З.В. Вешкурцевой предлагается использование обобщающего термина «источник информации», под которым будут пониматься «все возможные (ныне существующие и могущие быть созданными в будущем) источники, средства и формы распространения информации, средства коммуникации, информационно-телекоммуникационные сети, посредством которых обеспечивается доступ к информации (в том числе, средства массовой информации, а также, не относящиеся к СМИ с учетом положений законодательства различные сетевые и иные электронные средства информации, включая сеть Интернет, социальные и иные сети, агрегаторы, веб-порталы, сайты и другие средства распространения информации)» [14, с. 160].

Необходимо подчеркнуть, что не только вышеизложенное мнение, но и данная категория является устоявшимся феноменом. При этом следует отметить, что по смыслу Федерального закона № 49-ФЗ, источником информации может быть, как физическое лицо, предоставляющее информацию, так и форма доступа к информации [53].

В целях защиты конституционного права личности на неприкосновенность частной жизни, а также, в целях разграничения частных и публичных интересов в указанной сфере социальных отношений была введена ст. 152.2 ГК РФ. Вместе с тем, исследователи отмечают ряд недостатков означенной статьи [78].

По-разному на ее содержание смотрят СМИ, зарабатывающие на распространении информации о «публичных лицах», и, собственно «публичные лица» в отношении которых распространяется такая информация. Если первые считают введение данной статьи наступлением на свободу СМИ, то последние считают ее необходимой мерой своих прав.

По нашему мнению, следует согласиться с теми исследователями, видят в указанной статье ряд пробелов. В частности, в ней не представлена трактовка «государственных, общественных и иных публичных интересов», что вызывает необходимость обращаться к правовым позициям высших судебных инстанций, в частности, к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» [34], «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [56], «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» [33], в Обзоре практики по делам о неприкосновенности частной жизни публичных лиц в области политики, искусства, спорта [32], а также имеющих в соответствующих разъяснениях Конституционного Суда Российской Федерации [35].

На наш взгляд, А.М. Эрделевский справедливо полагает, что «не вполне очевидными являются сами понятия государственного и общественного интереса, и какой интерес, кроме государственного и общественного, может считаться публичным», под таковым он понимает «охраняемый законом (а не произвольный, вызванный обычным любопытством) интерес индивидуально неопределенного круга лиц, общества в целом или публично-правового образования в лице его соответствующих органов к тем или иным обстоятельствам частной жизни конкретного лица» [77, с. 25].

С.П. Гришаев отмечал, что: «понятия государственных и общественных интересов, порядок и способы определения общедоступности информации не раскрыты, не указано и каким образом гражданин может выразить свою волю на раскрытие информации» [61, с. 32]. Так, не считается нарушением абз. 1 п. 1 ст. 152.2 ГК РФ распространение информации в том случае, если она стала общедоступной, либо была раскрыта самим гражданином или по его воле. По сути, любая информация, размещенная в сети «Интернет», становится общедоступной, соответственно каждый субъект может в своих интересах использовать информацию о частной жизни другого лица.

По нашему мнению, ст. 152.2 ГК РФ закрепляет лишь общие правила охраны частной жизни, однако она не должна применяться в отрыве от других нормативных правовых актов, в частности, от Конституции РФ и Закона о СМИ.

Так, согласно п. 5 ч. 1 ст. 49 означенного нормативно-правового акта, журналист обязан получать согласие (за исключением случаев, когда это необходимо для защиты общественных интересов) на распространение в среде массовой информации сведений о личной жизни гражданина от самого гражданина или его законных представителей.

В свою очередь, на основании п. 7 ст. 3 ФЗ РФ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [72] правовое

регулирование отношений, возникающих в сфере информации основывается на принципах неприкосновенности частной жизни, недопустимости сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица без его согласия, а в силу п. 8 ст. 9 указанного закона - запрещается требовать от гражданина предоставления информации о его частной жизни, в том числе информации, составляющей личную или семейную тайну, и получать такую информацию помимо воли гражданина, если иное не предусмотрено федеральными законами.

Соответственно, специально для СМИ (Законом «О средствах массовой информации», ФЗ РФ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации») установлен особый порядок сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица, в частности, - обязанность получить согласие гражданина на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной (личной) жизни гражданина от самого гражданина или от его законных представителей. Исключением из данного правила является сбор и распространение информации – это необходимость защиты общественных интересов.

Пленум Верховного суда РФ в Постановлении от 15 июня 2010 г. № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» указал, что к общественным интересам следует относить не любой интерес, проявляемый аудиторией, а, например, потребность общества в обнаружении и раскрытии угрозы демократическому правовому государству и гражданскому обществу, общественной безопасности, окружающей среде.

Выводы:

- при рассмотрении судебных дел, связанных с защитой неприкосновенности частной жизни отечественные суды любого уровня, прежде всего, обязаны руководствоваться фундаментальными положениями Конституции РФ и другими федеральными законами, направленными на

всестороннее, качественное и эффективное обеспечение прав, блага и интересов человека и гражданина;

- соответствующее конституционное закрепление прав человека и гражданина в нашей стране носит универсальный характер. Ни один из субъектов российского государства не может отказаться от обязанности признавать, гарантировать, соблюдать и защищать их на своей территории. В случае нарушения прав и свобод человека и гражданина они должны быть восстановлены в полном объеме уполномоченными государственными структурами или законными действиями лица, чьи права подверглись определенным нарушениям и ущемлениям;

- вместе с тем обладание правами и свободами не означает возможности ничем не ограниченного произвола при их реализации или злоупотребления ими. Демократический принцип уважения чужих прав и свобод неразрывно связан с идеей обладания собственными основными правами;

- один из принципиальных аспектов Конституции РФ и других вышепоименованных федеральных законов заключается в том, что обязательным условием сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни конкретного лица является согласие такого лица на осуществление соответствующих действий;

- в отличие от прошлых десятилетий, в настоящее время проблема защиты прав личности при работе с информацией о гражданах является крайне актуальной. Несанкционированный сбор персональных данных представляет собой противоправное деяние, ответственность за которое, в зависимости от наступивших вредных последствий, может наступить по нормам гражданского, административного или уголовного законодательства Российской Федерации.

2 Защита нарушенных личных неимущественных прав и нематериальных благ

2.1 Способы защиты нарушенных личных неимущественных прав и нематериальных благ

Статья 12 ГК РФ предусматривает, что защита гражданских прав осуществляется путем:

- признания права и восстановления положения, существовавшего до нарушения права;

- пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения;

- признания оспоримой сделки недействительной и применения последствий ее недействительности;

- применения последствий недействительности ничтожной сделки; признания недействительным решения собрания;

- признания недействительным акта государственного органа или органа местного самоуправления;

- самозащиты права; присуждения к исполнению обязанности в натуре;

- возмещения убытков, взыскания неустойки и компенсации морального вреда, прекращения или изменения правоотношения;

- неприменения судом акта государственного органа или органа местного самоуправления, противоречащего закону; иными способами, предусмотренными законом.

Закрепленный в ст. 12 ГК РФ перечень способов защиты гражданских прав является открытым, поэтому при необходимости он может быть расширен, в том числе по усмотрению компетентного государственного органа. С.П. Гришаев обращает внимание на то, что: «в ГК РФ отсутствует понятие способа защиты гражданских прав. В статье 12 ГК РФ закреплен лишь общий перечень способов, к которым может обратиться лицо для защиты нарушенного права» [21].

Деятельность субъектов права по их применению и использованию, нацеленная на восстановление нарушенного субъективного гражданского права, на пресечение противоправных действий нарушителя, обеспечиваемая государством и выражающаяся в форме действий или бездействия. Средства защиты гражданских прав (в узком смысле) — это система элементов, состоящая из форм, порядка и способов защиты имущественных и личных неимущественных прав субъектов гражданских отношений» [60, с. 43].

По мнению Е.В. Толстой «способы защиты личных неимущественных прав - меры, посредством которых восстанавливаются нарушенные права или предотвращается их нарушение, а также последующее воздействие на правонарушителя» [61, с. 13].

Обобщенно, основными способами защиты личных неимущественных прав являются: признание права; восстановление положения, существовавшего до нарушения права; пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения; самозащите права; компенсация морального вреда; иные способы, предусмотренные законом. На основании этого, главным механизмом защиты личных неимущественных прав является компенсация морального вреда.

Средства защиты личных неимущественных прав, характерные для конкретного правоотношения, следует считать специальными способами защиты. Посредством анализа положений ст. 12 ГК РФ и других законодательных условий, можно выделить следующие специальные способы защиты личных неимущественных прав:

1. Для защиты нарушенных личных неимущественных прав, объектом которых являются такие нематериальные блага, как честь, достоинство, деловая репутация, гражданским законодательством установлены специальные меры, позволяющие, в условиях современных социальных отношений, достаточно качественно и эффективно воздействовать на негативное поведение правонарушителя (физического или юридического лица):

- опровержение несоответствующих действительности порочащих честь, достоинство или деловую репутацию распространенных сведений тем же способом, которым были распространены сведения, или другим аналогичным способом (п. 1 ст. 152 ГК РФ);

- опровержение несоответствующих действительности порочащих честь, достоинство или деловую репутацию распространенных сведений, распространенных в средствах массовой информации, в тех же средствах массовой информации (п. 2 ст. 152 ГК РФ);

- опровержение несоответствующих действительности порочащих честь, достоинство или деловую репутацию распространенных сведений, содержащихся в документе, исходящем от организации, путем замены или отзыва такого документа (п. 3 ст. 152 ГК РФ);

- опровержение несоответствующих действительности порочащих честь, достоинство или деловую репутацию распространенных сведений, ставших широко известными и при невозможности в связи с этим довести опровержение до всеобщего сведения, путем удаления соответствующей информации, а также пресечения или запрещения дальнейшего распространения указанных сведений путем изъятия и уничтожения без какой бы то ни было компенсации изготовленных в целях введения в гражданский оборот экземпляров материальных носителей, содержащих указанные сведения, если без уничтожения таких экземпляров материальных носителей удаление соответствующей информации невозможно (п. 4 ст. 152 ГК РФ);

- опровержение несоответствующих действительности порочащих честь, достоинство или деловую репутацию распространенных сведений, оказавшихся после их распространения доступными в сети «Интернет», путем удаления соответствующей информации, а также способом, обеспечивающим доведение опровержения до пользователей сети «Интернет» (п. 5 ст. 152 ГК РФ);

- опровержение несоответствующих действительности порочащих честь, достоинство или деловую репутацию распространенных сведений в иных случаях, кроме указанных в пунктах 2-5 ст. 152 ГК РФ, способом, установленным судом (п. 6 ст. 152 ГК РФ);

- признание распространенных сведений не соответствующими действительности, если не удастся установить лицо, распространившее сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию (п. 8 ст. 152 ГК РФ).

Одновременно, законом предусмотрено применение к виновным субъектам мер материального характера. К их числу относится возмещение убытков, причиненных распространением недостоверной информации любого содержания, причинившей вред потерпевшему, и компенсация морального вреда, в пределах соответствующего решения судебного органа.

Следует отметить, что в 2013 г. существенные изменения были внесены в п. 10 ст. 152 ГК РФ. В настоящее время в девяноста случаев вышепоименованные способы защиты могут быть применены за распространение о гражданине любых сведений, не соответствующих действительности, но не носящих характер порочащих честь, достоинство, деловую репутацию.

Однако, на наш взгляд, реальное воплощение в жизнь указанных положений весьма затруднительно, поскольку гражданину (физическому лицу) необходимо всесторонне обосновать факт несоответствия каких-либо распространенных о нем сведений, как несоответствующих настоящей действительности.

2. Для защиты личных неимущественных прав, объектом которых является такое нематериальное благо, как изображение гражданина, законом также установлены специальные меры, являющиеся, по своей сути, средствами, имеющими принудительный характер:

- изъятие из оборота и уничтожение без какой бы то ни было компенсации изготовленные в целях введения в гражданский оборот, а также

находящиеся в обороте экземпляры материальных носителей, содержащие изображение гражданина, полученное или используемое с нарушением п.1 ст. 152.1. ГК РФ;

- удаление изображения, а также пресечение или запрещение дальнейшего его распространения, если изображение гражданина, полученное или используемое с нарушением п. 1 ст. 152.1. ГК РФ, распространено в сети «Интернет».

3. В свою очередь, для защиты личных неимущественных прав, объектом которых является такое нематериальное благо, как частная жизнь гражданина, законом также установлены специальные меры правового воздействия на виновного субъекта в случаях, когда информация о частной жизни гражданина, полученная с нарушением закона, содержится в документах, видеозаписях или на иных материальных носителях (п. 4 ст. 152.2. ГК РФ). В подобной ситуации, для восстановления первоначального порядка вещей применяются:

- удаление соответствующей информации, вне зависимости от того, является она достоверной или нет;

- пресечение или запрещение дальнейшего ее распространения путем изъятия и уничтожения изготовленных в целях введения в гражданский оборот экземпляров материальных носителей, содержащих указанную информацию, если без уничтожения таких экземпляров данных носителей удаление компрометирующих сведений невозможно. При этом, какая-либо компенсация за утрату данной продукции не предусматривается.

4. Отличительные особенности носит защита нарушенных личных неимущественных прав, возникающих из авторского права (ст. 1251 ГК РФ); из прав, смежных с авторскими (п. 2 ст. 1303 ГК РФ), а также интеллектуальных прав. Это объясняется сложностью возникающих проблем и специфическими особенностями предмета, подлежащего легальной правовой защите на основании требований, предусмотренных нормами ГК РФ. Кратко обрисовем достаточно типичные и распространенные формы

решений, применяемых в отечественной судебной практике последних лет. Характерно, что на первом месте находятся меры воздействия, имеющие сугубо предупредительное содержание: обязательство прекратить нарушение (п. 3 ст. 1250 ГК РФ).

По нашему мнению, означенное, официально выраженное требование представляет собой особую разновидность правоприменительной санкции. В отличие от других видов гражданско-правовых взысканий, закрепленных в ГК РФ, вынесение соответствующего предписания не влечет за собой для виновного лица ущемления его материальных благ и иных ограничений. Главная цель вынесения такого решения – превентивное воздействие на волю нарушителя, препятствующее рецидиву проступка. Обязывание прекратить нарушение корректирует нравственные устои виновного лица и тем самым, в некоторой степени, содействует его социальной адаптации.

Более жесткие меры правового воздействия предусматривает п. 1 ст. 1251 ГК РФ [20]. Они реализуются путем признания права, восстановления положения, существовавшего до нарушения права, пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, компенсации морального вреда, публикации решения суда о допущенном нарушении.

В законодательных положениях изложен перечень подобных негативных ситуаций. В частности, при использовании результата интеллектуальной деятельности в составе сложного объекта лицом, организовавшим создание этого объекта, вправе указывать свое имя или наименование либо требовать такого указания (п. 4 ст. 1240 ГК РФ);

- нарушения права издателя энциклопедий, энциклопедических словарей, периодических и продолжающихся сборников научных трудов, газет, журналов и других периодических изданий использования изданий, а также права указывать свое наименование или требовать его указания (п. 7 ст. 1260 ГК РФ);

- нарушения предусмотренных ст. 1240 ГК РФ прав изготовителя аудиовизуального произведения, то есть лица, организовавшего создание

такого произведения (продюсера) на использование результата интеллектуальной деятельности в составе сложного объекта (п. 4 ст. 1263 ГК РФ);

- нарушения права работодателя на использование служебного произведения способами, обусловленными целью служебного задания и в вытекающих из задания пределах, а также права обнародовать такое произведение, (п. 3 ст. 1295 ГК РФ); нарушения прав изготовителя фонограмм на указание на экземплярах фонограммы и (или) их упаковке своего имени или наименования; на защиту фонограммы от искажения при ее использовании; на обнародование фонограммы (п. 1 ст. 1323 ГК РФ);

- нарушения права изготовителя базы данных на указание на экземплярах базы данных и (или) их упаковках своего имени или наименования (п. 2 ст. 1333 ГК РФ);

- нарушения права публикатора на указание своего имени на экземплярах обнародованного им произведения и в иных случаях его использования, в том числе при переводе или другой переработке произведения (пп. 2 п. 1 ст. 1338 ГК РФ).

В свою очередь, несколько иную специфику имеет защита патентных прав по спорам об авторстве изобретения, полезной модели, промышленного образца; об установлении патентообладателя; о праве преждепользования; о праве послепользования (подпункты 1, 2, 5, 6 п. 1 ст. 1406 ГК РФ).

Прежде всего, должная защита осуществляется путем публикации в официальном бюллетене федерального органа исполнительной власти по интеллектуальной собственности решения суда о неправомерном использовании изобретения, полезной модели, промышленного образца или об ином нарушении его прав (ст. 1407 ГК РФ).

Как разъяснено совместными Постановлением Пленума Верховного Суда РФ и № 5 и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ 29 от 26 марта 2009 г. «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» личные

неимущественные и иные права, указанные в статье 1226 ГК РФ, охраняются только в том случае, если соответствующими положениями части четвертой ГК РФ конкретном результате интеллектуальной деятельности или приравненным к результатам интеллектуальной деятельности средствам индивидуализации установлена охрана специально поименованных личных неимущественных и иных прав.

В своих исследованиях авторы классифицируют способы защиты нарушенных личных неимущественных прав по различным основаниям.

Ю.Н. Андреев выделяет: а) способы защиты, применяемые самим управомоченным субъектом без обращения в соответствующие органы (в форме самозащиты); б) способы защиты, применяемые органами, осуществляющими защиту субъектов гражданского права, и самими обладателями нарушенного субъективного права; в) способы защиты, используемые только компетентными органами.

В теоретических исследованиях Е.В. Гаврилова и М.Н. Малеиной формулируется вывод, что нематериальные блага могут защищаться непоименованными в ГК РФ способами защиты гражданских прав, являющимися производными от основных (ст. 12 ГК РФ) и вытекающими из существа нарушенного нематериального блага или личного неимущественного права и характера последствий этого нарушения. Данный вывод основан на положении части 2 ст. 45 Конституции РФ о том, что каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом.

Как указано в Определении Конституционного Суда РФ от 4 декабря 2003 г. № 508-О: «в рамках соответствующего правоотношения необходимо установить допустимость применения и пригодность того или иного не запрещенного законом конкретного способа защиты». Б.С. Монгуш указывает, что средства защиты личных неимущественных прав нацелены на защиту результатов интеллектуальной деятельности, личных неимущественных прав и других нематериальных благ. К этой группе

относятся, например, признание авторского права субъекта, признание произведений контрафактными, опубликование опровержения, компенсация морального вреда, арест имущества и т.п.

Данный специалист, по различным основаниям средства защиты гражданских прав разделяет на следующие элементы: универсальные и специальные; вещно-правовые средства защиты и обязательственно-правовые; материальные и процессуальные; правовые и неправовые; юрисдикционные и неюрисдикционные; прямые, судебные и альтернативные [30, с. 43]. Одновременно, указанный исследователь относит к отдельной группе, обладающие индивидуальными свойствами, средства защиты гражданских прав физических лиц, юридических лиц, а также современных публично-правовых образований нашей страны.

В указанном аспекте можно поддержать В.С. Толстого, который убежден, что в современных условиях вполне допустимо использование разных оснований для классификации разноплановых способов защиты личных неимущественных прав. В частности, подобная градация может проводиться по субъектам, которые их применяют или по средствам, предоставляемым потерпевшему в связи с конкретным видом правонарушения и, бесспорно, по иным сопутствующим критериям [62, с. 77].

Помимо того, ученый считает, что в нынешней действительности логически обосновано наличие классификации, объективно учитывающей, на какой стадии существования и развития субъективного права создается фактическая угроза или реально совершается факт его нарушения, следовательно, в чем выражаются вредные последствия нарушения права. Поэтому, с одной стороны, автор выделяет способы защиты, обеспечивающие реализацию личных неимущественных прав. К их числу относится: признание факта деяния и признание права.

С другой стороны, исследователь обозначает средства защиты, имеющие целью восстановление первоначального порядка вещей, куда

относятся признание недействительным акта государственного органа или органа местного самоуправления. В конечном итоге, компенсации нарушения личных неимущественных прав является группа мер, применяемых по отношению к виновному лицу. В нее включаются материальная ответственность за нарушение личных неимущественных прав и компенсация причиненного морального вреда.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод, что, несмотря на многообразие способов защиты личных неимущественных прав, наиболее универсальным средством защиты является именно компенсация морального вреда. Это объясняется тем обстоятельством, что неизбежные материальные потери, носящие сугубо финансовый характер, наиболее качественно и эффективно воздействуют на поведение виновного субъекта, а также выполняют задачи, носящие характер общей и частной превенции правонарушений.

2.2 Проблемы охраны личных неимущественных прав и нематериальных благ при их нарушении в сети Интернет и в других источниках информации

В Концепции развития гражданского законодательства РФ констатируется следующее: «важное место занимают проблемы, обусловленные научно-техническим прогрессом... российское гражданское законодательство должно соответствовать современному уровню развития техники, стимулируя разработку и широкое использование новых технологий при одновременном обеспечении защиты интересов правообладателей». Следуя заданной цели, законодательство постепенно изменяется и трансформируется. Авторы, исследующие проблемы нарушений в сети Интернет, отмечают, что «ни в одной стране мира нет всеобъемлющего (кодифицированного) законодательства по Интернету, а существующие нормативные акты регулируют лишь частные аспекты функционирования сети, ситуация осложняется практическим отсутствием регулирования

отношений по поводу Интернета на международном (межгосударственном) уровне» [56, с. 137].

Особое значение в настоящее время имеет защита неимущественных прав граждан в сети «Интернет». В Законе № 149-ФЗ не дается четкого определения сети «Интернет». На данный момент в данном законе дается лишь определение некоторым категориям, имеющим отношение к данной информационно-коммуникационной сети. В частности, согласно данному закону, сайт в сети «Интернет» - совокупность программ для электронных вычислительных машин и иной информации, содержащейся в информационной системе, доступ к которой обеспечивается посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (далее - сеть «Интернет») по доменным именам и (или) по сетевым адресам, позволяющим идентифицировать сайты в сети «Интернет» [65, с. 145].

Конституционный Суд РФ указал, что «в случае, если порочащие гражданина сведения, размещенные на сайте в сети Интернет, признаны судом не соответствующими действительности, владелец сайта или уполномоченное им лицо, которое ответственно за размещение информации на этом сайте, должны быть обязаны по заявлению потерпевшего такие сведения удалить. Иное фактически означало бы отказ в защите чести и достоинства гражданина, его доброго имени и репутации, при том что способы защиты, предполагающие, например, размещение опровергающего порочащие сведения судебного решения, существенно снижают эффективность защиты, тем более, когда суд констатирует, что установить распространителя таких сведений не представляется возможным» [65, с. 147].

Мотивами было то, что «информация, распространяемая посредством сети Интернет, размещается на сайтах, ресурсы которых, как правило, технически и технологически объективно доступны неопределенному кругу лиц, что не исключает возможность их анонимного использования, в том числе в противоправных целях, например, для распространения сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию граждан» [65, с. 148].

Судом было указано, что тот факт, что противоправные действия с применением ресурсов сети Интернет совершены неизвестным лицом, не отменяет общего принципа, в силу которого ответственность за эти действия несет именно правонарушитель. Однако даже фактическая невозможность в подобных случаях установить и привлечь к ответственности виновное лицо, равно как и отсутствие правовых оснований для привлечения к ответственности владельца соответствующего сайта, не являющегося средством массовой информации, или иного уполномоченного им на размещение информации лица, в качестве способа защиты прав потерпевшего не означает, что эти права не подлежат защите иными способами, предусмотренными гражданским законодательством (статья 12 ГК РФ).

Постановление Конституционного Суда РФ ссылается: на преамбулу ст. 1 Всеобщей декларации прав человека и на преамбулу Международного пакта о гражданских и политических правах (далее - Международный пакт), закрепляющие признание достоинства, присущего всем членам человеческого сообщества, наряду с равными и неотъемлемыми их правами как основы свободы, справедливости и всеобщего мира; на п. 2 и 3 ст. 19 Международного пакта и ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, закрепляющие право каждого на свободное выражение своего мнения; на ст. 2 Международного пакта и п. 1 ст. 62 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, обязывающие государство обеспечить любому лицу, права и свободы которого нарушены, эффективные средства правовой защиты; на п/п «а» пункта Совместной декларации о свободе выражения мнения и Интернете, согласно которой ни одно лицо, предоставляющее лишь технические интернет-услуги, такие, как обеспечение доступа или поиск, передача или кэширование информации, не должно нести ответственности за созданный другими лицами контент, который был распространен при помощи этих услуг, если это лицо не вносило в него

изменений и не отказывалось выполнить судебное решение об удалении данного контента в случаях, когда оно имеет возможность это сделать.

Выводы:

Несколько лет назад был принят ряд законов, которые позволили оперативно реагировать на нарушения в сети Интернет, в частности, Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 187-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-коммуникационных сетях». В известной степени, это позволило уточнить и конкретизировать тот факт, что ответчиком по соответствующему иску будет признан непосредственный владелец сайта.

Однако, если информация была многократно использована другими пользователями социальных сетей/ресурсами/сайтами путем «репоста», «ретвита», то потерпевшему для удаления информации необходимо будет обращаться с многочисленными исками к разным ответчикам, не всегда идентифицируемым. В силу указанных причин, в подобных условиях реальная защита неимущественных прав в информационно-коммуникационных сетях» пока еще является неэффективной и мало продуктивной.

По нашему мнению, данные проблемы должны быть основанием для самостоятельных и глубоких исследований в указанной сфере социальных отношений. Следует полагать, что в дальнейшем соответствующие изыскания дадут возможность законодателю внести дополнительные коррективы в действующие нормативно-правовые акты.

Глава 3 Компенсация морального вреда как способ защиты нарушенных прав

Исторически законодательство ряда субъектов мирового сообщества предусматривало возможность компенсации морального вреда. Однако пишет С. А. Беляцкий, «страной, которая «раньше всего и больше всего усвоила принцип возместимости морального вреда, является Англия» [18, с. 4]. По его мнению, принятая там система вознаграждения за моральный вред производит большое впечатление своей житейской гибкостью и глубоким практическим смыслом. Анализ означенной системы позволяет выделить ряд основополагающих моментов:

а) неуклонное стремление судей давать удовлетворение каждому пострадавшему за счет виновного;

б) пристальное внимание уделяется каждому факту правонарушений;

в) регулярное присуждение денежных сумм с нарушителей чужих личных прав и благ;

г) эти меры прямо касаются не только рядовых субъектов, но и должностных лиц различного уровня;

д) указанный подход во многом содействовал становлению в Великобритании идеалов гражданина и служителя государства, ибо укрепляло уважение к чужому праву и чужой личности как в обывателе, так и в непосредственном носителе публичной власти.

По сравнению с указанными примерами, германское законодательство о компенсации морального вреда, на протяжении длительного времени оставалось несистемным и незаконченным. Хотя необходимо тот факт, что фундаментом нормативных установлений данной страны являлось римское право, в котором, так или иначе присутствовали положения, направленные на материальную компенсацию морального вреда. Однако подобные положения были крайне несовершенными и касались весьма узких вопросов, определяемых, как «душевные раны». В тоже время обстоятельный смысл и

развернутое содержание данной дефиниции в германском законодательстве не раскрывалось.

Вместе с тем, необходимо отметить, что на этом фоне, в настоящее время, в западных странах развитие права, в том числе, и частного, пошло по пути обоснования нескольких сугубо экзотических и спорных направлений. Так, весьма оригинальными с точки зрения российской цивилистики представляются попытки «обнаружения» личных прав у животных [1], [5].

В свою очередь, применительно к Франции с ее революционными постулатами о свободе личности, идея о компенсации нравственного вреда воплощалась в жизнь не столько законодательно, сколько судебной практикой, которая в практическом плане предлагала довольно-таки неоднозначные критерии в оценке вопросов, связанных с материальной стороной дела [18, с. 4].

Формирование института возмещения морального вреда в нашей стране историки приурочивают ко временам Киевской Руси. Характерно, что в первом, дошедшем до нас писаном нормативном источнике «Русская Правда», уже предусматривалась ответственность за причинение неимущественного вреда. При этом цель наказания заключалась в реальном возмещении материального и морального ущерба.

Так, даже за убийство преступник мог откупиться от родственников убитого вирой, понимаемой, как определенной денежной суммой. Если виновный не мог выплатить установленную компенсацию, то по праву кровной мести он передавался в полное распоряжение сородичей потерпевшего. Денежная компенсация устанавливалась и за менее тяжкие деяния. Например, за действия оскорбительного характера, в виде вырванного клока бороды предусматривался штраф в двенадцать гривен.

В более поздних отечественных правовых источниках также закреплялась ответственность за клевету, оскорбление чести в виде обиды и т.д. При этом компенсация за последнюю «могла быть взыскана одновременно в пользу и государства, и потерпевшего. В частности, в период

правления императора Петра I были внесены дополнения об оскорблении чести в воинском и морском уставах. При императрице Екатерине II издан манифест о поединках: за бесчестье лица дворянского звания или государственного служащего взыскивался годовой оклад получаемого им жалованья, а за оскорбление духовного лица вдвое больше, чем за оскорбление светского. За словесную обиду обывателю причиталось столько, сколько он должен был уплатить за этот год в казну [18, с. 25].

В советский период, в течение многих десятилетий, официальный подход к проблемам компенсации морального вреда был негативным и трактовался, как один из видов нетрудовых доходов. Однако в силу развития и усложнения социальных отношений, данные вопросы постепенно выходили на повестку дня. Как указывает А. М. Эрделевский: «в 60-х годах дискуссии по этому поводу возобновились. Принцип компенсации морального вреда поддерживался в работах А. М. Беляковой, С. Н. Братуся, Н. С. Малеина, В. А. Тархова, М. Я. Шиминовой и др.» [77, с. 85].

Таким образом, в то время, хотя лишь на теоретическом уровне, но уже признавалась необходимость введения института материального возмещения неимущественного вреда. Это обусловлено тем, что, так или иначе, область гражданско-правового регулирования естественно и объективно охватывала не только существовавшие тогда имущественные, но и личные неимущественные отношения, вне зависимости от официальной, властной оценки.

В девяностые годы прошлого века произошла смена курса страны не только в политическом, экономическом, социальном, но и в правовом плане. На наш взгляд, знаковым событием явилось принятие Декларации прав и свобод человека и гражданина [40]. В преамбуле этого документа указывалось, что права и свободы человека, его честь и достоинство как высшую ценность общества и государства, а также отмечалась необходимость приведения законодательства РСФСР в соответствие с

общепризнанными международным сообществом стандартами прав и свобод человека.

Принятая в 1993 г. Конституция РФ практически дословно воспроизвела вышеозначенные положения [26]. Как отмечает А.Т. Табунщиков «формирование правового государства, для которого человек является главной социальной ценностью, предполагает наличие высокого уровня защищенности прав и свобод человека, верховенство общечеловеческих ценностей. Основной задачей такого государства должно быть обеспечение наиболее справедливого, быстрого и эффективного восстановления нарушенного права и возмещения причиненного вреда» [57].

В свою очередь, в начале девяностых годов прошлого века нормы о возмещении морального вреда были внесены и в ряд других отраслевых нормативно-правовых актов [21]. Вместе с тем, в реальности их применению во многом препятствовало несовершенство законодательства в части закрепления нематериальных благ в качестве объектов гражданского законодательства, отсутствие четких правил компенсации морального вреда и другие непроработанные аспекты.

К настоящему времени, несмотря на известные трудности, в правоприменении сложилась обширная судебная практика по делам о защите личных прав, чести и достоинства человека и гражданина. Выше уже было отмечено, что защита личных прав может осуществляться как общеотраслевыми способами, поименованными в ст. 12 ГК РФ, так и специальными (например, ст. 152 ГК РФ, ст. 43 - 44 Закона от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» и др.).

Большая часть споров, возникающих по поводу осуществления личных прав, связана с защитой чести, достоинства и деловой репутации при распространении порочащих сведений (т.е. при диффамации). Установлению единообразия при разрешении споров данной категории способствовало принятие Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а

также деловой репутации граждан и юридических лиц» (далее также - Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 3) [41].

Разъяснения высшей судебной инстанции позволили ответить на ключевые вопросы:

- 1) кто может быть истцом по данной категории дел;
- 2) какое лицо признается надлежащим ответчиком;
- 3) каков предмет доказывания;
- 4) какие меры ответственности могут быть приняты судом по конкретному делу.

В практическом плане каждый из этих вопросов требует отдельного обстоятельного рассмотрения. Прежде всего, необходимо уточнить статус истца и сопутствующие ему требования. Только на первый взгляд Пленум Верховного Суда РФ в п. 2 Постановления представил вполне очевидный ответ: иски по делам данной категории вправе предъявлять граждане и юридические лица, которые считают, что о них распространены, не соответствующие действительности, порочащие сведения.

Однако с сугубо теоретических позиций данный тезис вызывает определенные разночтения. На наш взгляд, вполне справедливо в юридической литературе утверждалось, что не всякий человек является личностью. Кстати, не только личность может характеризоваться наличием таких свойств, как честь, достоинство, деловая репутация и иные специфические качества, подлежащие защите.

Так, еще в советское время И.Е. Фарбер писал, что «человек не рождается личностью, он ею становится. Понятия «человек» и «личность» не вполне совпадают, личность есть социальное качество человека, причем исторически определенного человека в том или ином обществе» [70, с. 18]. Сходным образом рассуждал Н.С. Малеин, полагая, что «честь — это общественная оценка личности как члена общества. Общественная оценка личности зависит от самого гражданина, так как формируется на основании

его поведения, поступков, отношения к интересам общества, государства, коллектива, других людей» [27].

Вышеуказанные аргументы нам представляются спорными. Следуя приведенной логике, можно заключить, что, например, малолетний не обладает честью, поскольку еще не может считаться самостоятельной личностью в глазах общества. Существуют ли тогда основания говорить, что распространение недостоверных и порочащих сведений о ребенке не является противоправным деянием.

Предположим, что в СМИ распространены сведения о серийном убийце, отбывающем наказание в исправительном учреждении. В газетной публикации утверждается, что данное лицо совершило также и иные преступления, к которым оно в действительности не причастно. Можно ли считать, что в этом случае не нарушаются права виновного субъекта, поскольку тот и так «дискредитировал» себя в глазах общества?

С юридической точки зрения и несовершеннолетний, и серийный маньяк (несмотря, казалось бы, на отсутствие значительных заслуг перед обществом) обладают таким нематериальным благом, как честь. Честь следует рассматривать как объективную характеристику, имманентно свойственную всякому физическому лицу вне зависимости от его пола, возраста, имущественного состояния, здоровья, уровня образования, социального положения, отношения к гражданской и военной службе, а также иных особенностей.

Понятие чести охватывает комплекс объективно сформировавшихся и устоявшихся в социуме положительных представлений о должном поведении и личных характеристиках среднего, а неконкретного человека. В этом принципиальная особенность чести человека как нематериального блага: в отличие от имущественных благ, умаление которых может быть оценено, по общему правилу, исходя из реальной стоимости конкретного имущества на момент посягательства. Для дел по защите личных прав в принципе не требуется выяснять, «насколько» честным и добропорядочным было

пострадавшее лицо на момент посягательства, поскольку действует презумпция наличия у всех граждан подобных нематериальных благ, невозможности их количественного и качественного увеличения или уменьшения.

Синонимом слова «честь» является термин «деловая репутация», который аналогичным образом отражает объективно сформировавшиеся и устоявшиеся в профессиональном сообществе представления о должном поведении и деловых качествах среднего участника гражданского оборота.

Кроме того, Пленум Верховного Суда РФ пояснил, что, например, порочащими являются сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином действующего законодательства; совершении нечестного поступка; неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни; недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота. Таким образом, в гражданском праве честь и деловая репутация носят объективный характер, что в некоторой степени сближает данные категории с другим цивилистическим понятием - добросовестностью.

Сказанное, однако, не означает того, что посягательство на честь лица в обязательном порядке должно носить общественный (публичный) характер, как на том настаивал И.С. Гуревич. Здесь важно то, что такое посягательство, пусть даже и оставшись неизвестным широким социальным кругам, потенциально могло бы привести к негативному восприятию лица в современном обществе.

Таким образом, именно наступление или риск потенциального наступления неблагоприятных последствий в виде негативного восприятия человека как члена общества является индикатором порочащего характера распространенных сведений. В отличие от чести и деловой репутации достоинство представляет собой субъективную категорию, это «внутренняя самооценка собственных качеств, способностей, мировоззрения, своего

общественного значения» [73, с. 32]. Понятно, что возможностью самооценки обладают только люди, поэтому и носителем данного нематериального блага тоже может быть признан только человек: физическое лицо.

Немаловажно отметить, что диспозиция ст. 152 ГК РФ сформулирована как «защита чести, достоинства или деловой репутации». Поэтому право на защиту подлежит реализации с момента нарушения хотя бы одного из указанных нематериальных благ.

Второй важный вопрос - с какого непосредственного момента возникает право на защиту. В п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ содержится правильное разъяснение: при распространении порочащих сведений в отношении несовершеннолетних или недееспособных иски о защите их чести и достоинства могут предъявить их законные представители. Хотя младенец, в силу возраста, еще не осознает собственного человеческого достоинства, тем не менее, он уже с рождения является носителем такого нематериального блага, как честь. Таким образом, право на защиту чести, достоинства или деловой репутации возникает с момента рождения человека.

Прекращается ли право на защиту смертью человека. По требованию заинтересованных лиц (например, родственников или других близких) защита чести и достоинства гражданина, согласно ст. 152 ГК РФ, допускается и после его смерти. Аналогичное правило было выработано еще в XIX в. французскими судами: «После смерти дочери могут ли родители предъявить иск к лицу, пользующемуся именем покойной так, что при жизни она могла бы предъявить иск. Французская судебная практика решает вопрос в утвердительном смысле».

В.А. Белов не очень удачно объясняет подобный феномен существования права на защиту после смерти его носителя тем, что «личные права существуют бессрочно и независимо от своего субъекта» [9, с. 169]. Однако указанное объяснение весьма сомнительно. Оно основано на допущении, что личные права существуют автономно от личности человека.

Такой подход не соответствует главной характеристике личных прав, а именно их связанности с личностью конкретного человека.

Полагаем, что более чем достаточное объяснение такому «разрыву» личности человека и возможности защиты его прав сформулировала Е.А. Флейшиц. По ее мнению, «нельзя, наконец, понимать «неотделимость от личности» названных выше благ в том смысле, будто блага эти перестают охраняться правом после смерти носителя соответствующих прав. Наоборот, именно в области личных прав наблюдается своеобразное явление: не переходя по наследству, право, тем не менее, «переживает» своего носителя и охраняет то, что было благом последнего, и тогда, когда он этого блага использовать больше не может» [73]. Данный механизм в отечественном гражданском праве приобрел название посмертной реабилитации и получил особенное распространение в конце 1950-х - начале 1960-х гг.

По одному из дел во Фрунзенский районный суд г. Ленинграда обратилась гражданка Левенсон с исковым заявлением к издательству и авторам книги, вышедшей в свет в 1962 и 1963 гг., в которой ее отца называли врагом народа (к моменту выхода книги мужчина был посмертно реабилитирован судом в связи с недоказанностью обвинений в годы сталинских репрессий). Суд первой инстанции отказал в принятии искового заявления, сославшись на то, что смерть лица, о котором распространены порочащие и недостоверные сведения, влечет прекращение самого субъективного права на защиту.

Однако Верховный Суд РСФСР решение отменил и направил дело на новое рассмотрение, разъяснив, что дочь является заинтересованным лицом в защите чести и достоинства и вправе требовать защиты доброго имени своего отца. Иными словами, республиканская судебная инстанция согласилась с доктринальным мнением, высказанным Е.А. Флейшиц, что «право «переживает» своего носителя и охраняет то, что было благом последнего» [75, с. 95].

Следующий вопрос, подлежащий обсуждению, это уяснение какое конкретное лицо может быть признано в качестве надлежащего ответчика. В силу п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 3, таковыми субъектами по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации являются авторы не соответствующих действительности порочащих сведений, а также лица, распространившие эти сведения. По общему правилу, если сведения распространены в СМИ, то автор и редакция виновного СМИ отвечают солидарно.

В свою очередь, на основании сложившейся судебной практики, предмет доказывания по делам о защите чести, достоинства или деловой репутации традиционно составляют:

- а) факт распространения ответчиком сведений об истце; б) порочащий характер этих сведений; в) несоответствие их действительности.

При отсутствии хотя бы одного из указанных обстоятельств иск не может быть удовлетворен, как это подчеркивается в п. 7 анализируемого вердикта.

Однако в 2013 г. в редакцию ст. 152 ГК РФ были внесены существенные изменения. Указанная статья дополнена п. 10, допускающим привлечение к ответственности за распространение любых не соответствующих действительности сведений о гражданине (в том числе не являющихся порочащими), если такой гражданин докажет несоответствие действительности определенной информации.

Иными словами, исходя из буквального толкования новой редакции закона, для применения гражданско-правовой ответственности достаточно двух оснований: собственно, самого факта распространения ответчиком сведений об истце, а также доказанности истцом недостоверного характера сомнительных сведений. При этом порочащий характер следует рассматривать в качестве факультативного (необязательного) критерия.

Тем не менее, в Обзоре практики рассмотрения судами дел о защите чести, достоинства и деловой репутации, утвержденном Президиумом

Верховного Суда РФ от 16 марта 2016 г., указывается, что при разрешении подобных дел по-прежнему необходимо устанавливать порочащий характер распространенных сведений.

Высшая судебная инстанция приводит пример из своей практики, когда Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, частично отменяя состоявшиеся по делу судебные постановления, указала: «Признав не соответствующими действительности, порочащими честь, достоинство и деловую репутацию Х. такие сведения, как «...имеются все основания полагать, что этот самый черный «мерс» ЛУКОЙЛа выехал на встречную и раздавил женщин в «ситроене», суд не установил, распространены ли эти сведения о Х. и каким образом эти сведения порочат его честь, достоинство и деловую репутацию». Вместе с тем Верховный Суд РФ не привел аргументацию, позволяющую ему «перепрыгивать» через прямые предписания п. 10 ст. 152 ГК РФ, в связи с чем возникает вопрос о соответствии такого «консерватизма» судебной практики требованиям действующего законодательства.

Исходя из определения морального вреда (п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10) можно сделать вывод о том, что наличие физических или нравственных страданий истца является обязательным условием для возникновения у ответчика обязанности по его компенсации. Поскольку законодательство не содержит четкого определения таких страданий, основываясь на имеющейся судебной практике, можно предположить, что под нравственными страданиями судьи обычно понимают субъективное чувство истца, выражающееся во внутреннем психологическом дискомфорте. Выразаться это может в переживаниях, волнении, плохом настроении, подавленности и т.д.

Физические страдания предполагают наличие у истца ощущения физического дискомфорта, выраженного в боли, недомогании, неудобстве в перемещении в связи с травмой, головокружении, помутнении сознания и прочих видах дискомфорта. При подаче искового заявления о компенсации

морального вреда в нем следует перечислить все физические и нравственные страдания, которые, по его мнению, испытывал истец.

Нормативных актов, предусматривающих возможность взыскания компенсации морального вреда, достаточно много, но все они соответствуют положениям ст. 151, 1099 - 1101 ГК РФ о том, что моральный вред может взыскиваться только в случаях нарушения конкретных, определенных в законе видов прав и благ. Это в первую очередь относится к случаям:

- причинения потерпевшему нравственных и физических страданий от нарушения личных неимущественных прав, данных от природы (жизнь, здоровье) и предусмотренных законом (человеческое достоинство, свобода совести, охрана частной жизни и другие права личности);

- причинения страданий от нарушения неимущественных прав и благ, связанных с имущественными (авторские права, патентные права);

- причинения страданий от нарушения имущественных прав и благ, но только в случаях, указанных в законе (законы о защите прав потребителей, ТК РФ [36] в части задержки и невыплаты зарплаты) [64].

С учетом указанного взыскать компенсацию морального вреда, например, за гибель, повреждение машины в ДТП, за причинение вреда любимой комнатной и не только собачке и т.д. невозможно, ибо нет законов, предусматривающих взыскание компенсации морального вреда за нарушение имущественных прав на эти вещи. В то же время лицо, которое в присутствии других лиц было в нецензурной форме оскорблено, вправе требовать от обидчика возмещения морального вреда. Одновременное заявление требования об опровержении сведений в такой ситуации не требуется [71].

Статья 151 ГК РФ в редакции от 2 июля 2013 г., сформулирована следующим образом: «если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага, а также в других случаях,

предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда. При определении размеров компенсации морального вреда суд принимает во внимание степень вины нарушителя и иные заслуживающие внимания обстоятельства. Суд должен также учитывать степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями гражданина, которому причинен вред».

Рассматривая проблему судебного усмотрения Аарон Барак указывал, что судебское усмотрение - «это данное судье полномочие выбирать из ряда возможностей, каждая из которых законна в контексте системы», «судья не создает нового права, но просто провозглашает право, которое «кроется» в системе», «судейское усмотрение - не абсолютное, но ограниченное», что связано с «процедурными ограничениями (справедливостью) и с материальными ограничениями (разумностью), которым подчинено судебское усмотрение» [8, с. 120].

Между тем, в связи с отсутствием в законе определения «морального вреда», Верховный Суд РФ разъяснил, что «под моральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т.п.), или нарушающими его личные неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности) либо нарушающими имущественные права гражданина.

Моральный вред, в частности, может заключаться в нравственных переживаниях в связи с утратой родственников, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, потерей работы, раскрытием семейной, врачебной тайны, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию

гражданина, временным ограничением или лишением каких-либо прав, физической болью, связанной с причиненным увечьем, иным повреждением здоровья либо в связи с заболеванием, перенесенным в результате нравственных страданий и др.» (п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10. В данном вердикте также вместо разъяснения смысла задействованных в норме категорий, суд лишь дословно воспроизводит часть нормы статьи 151 ГК РФ: «степень нравственных или физических страданий оценивается судом с учетом фактических обстоятельств причинения морального вреда, индивидуальных особенностей потерпевшего и других конкретных обстоятельств, свидетельствующих о тяжести перенесенных им страданий»).

Такая уклончивая, конформистская позиция вызывает обоснованную критику и претензии со стороны не только представителей научного сообщества, но и практикующих отечественных юристов. Следует надеяться, что в будущем, высшая российская судебная инстанция вернется к рассмотрению существующих проблем в данной сфере социальных отношений.

Говоря о существовании морального вреда, в части разъяснения вопросов определения размеров оплаты госпошлины, суд постановил: «при рассмотрении дел о компенсации причиненных нравственных или физических страданий необходимо учитывать, что моральный вред признается законом вредом немущественным, несмотря на то, что он компенсируется в денежной или иной материальной форме».

К сожалению, также не вносит ясности правило п. 2 ст. 1101 ГК РФ «размер компенсации морального вреда определяется судом в зависимости от характера причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, а также степени вины причинителя вреда в случаях, когда вина является основанием возмещения вреда. При определении размера компенсации вреда должны учитываться требования разумности и справедливости. Характер физических и нравственных страданий

оценивается судом с учетом фактических обстоятельств, при которых был причинен моральный вред, и индивидуальных особенностей потерпевшего».

С одной стороны, анализ положений ГК РФ, посвященных правилам компенсации морального вреда (151, 1064, 1099-1101 ГК РФ) позволяют выделить следующие особенности:

1. размер компенсации морального вреда определяется судом;
2. суд определяет размер компенсации морального вреда в зависимости от характера причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, а также степени вины причинителя вреда;
3. судом должны учитываться требования разумности и справедливости;
4. характер физических и нравственных страданий оценивается судом с учетом фактических обстоятельств, при которых был причинен моральный вред;
5. характер физических и нравственных страданий оценивается судом с учетом индивидуальных особенностей потерпевшего;
6. суд должен принять во внимание иные заслуживающие внимания обстоятельства.

С другой стороны, к сожалению, тщательное рассмотрение судебной практики, позволяет сделать вывод о некой тенденциозности при вынесении решений о компенсации морального вреда. Мало того, что суды назначают, как правило, символическую сумму, они, зачастую, никак не мотивируют свою позицию. Нередко Верховному Суду РФ приходится давать нижестоящим судам указания относительно правил определения размера компенсации морального вреда.

Если судья решил значительно снизить размер компенсации, по сравнению с требованиями истца, то он обязан привести мотивы своего решения и разъяснить почему именно назначенную сумму он считает приемлемой и разумной, подчеркивает высшая инстанция [75]. В частности, до высшей судебной инстанции дошел спор жительницы столицы с МВД РФ о компенсации морального вреда, причиненного преступлением: в дежурной

части одного из отдела полиции Санкт-Петербурга пьяный сотрудник уголовного розыска случайно застрелил ее сына. Истица настаивала на взыскании 4 миллионов рублей, однако Замоскворецкий суд снизил компенсацию до 150 тысяч рублей, а Мосгорсуд это решение поддержал.

При этом суды сочли, что смерть сына, безусловно, причиняет заявительнице глубокие нравственные страдания. Учитывая совместное проживание истицы с сыном, наличие малолетней дочери у погибшего, являвшегося единственным родителем ребенка и опекуном которой теперь является заявительница, суд все же счел возможным определить размер компенсации в 150 тысяч рублей достаточной.

Разрешая дело, Верховный Суд РФ исходил из следующего. При определении размеров компенсации морального вреда суд принимает во внимание степень вины нарушителя и степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями гражданина, которому причинен вред, напоминает ВС.

«При рассмотрении требований о компенсации причиненного гражданину морального вреда необходимо учитывать, что размер компенсации... не может быть поставлен в зависимость от размера удовлетворенного иска о возмещении материального ущерба, убытков и других материальных требований», - отмечено в решении высшей судебной инстанции.

Поскольку закон хоть и предусматривает в качестве способа защиты компенсацию морального вреда, но устанавливает лишь общие принципы для определения размера такой компенсации, то именно суду следует системно рассматривать все обстоятельства данного дела.

«При этом соответствующие мотивы о размере компенсации морального вреда должны быть приведены в судебном постановлении», — подчеркивает высшая инстанция. Однако в данном деле существенно снижая сумму взыскиваемого ущерба суд первой инстанции ограничился лишь ссылкой на общие принципы определения размера компенсации морального

вреда. «Так, взыскивая в пользу истца компенсацию морального вреда, суд первой инстанции не привел мотивы и не обосновал, почему он пришел к выводу о том, что сумма в 150 тысяч рублей является достаточной компенсацией причиненных ей ответчиком нравственных страданий», - говорится в определении [75].

Также районный суд не указал, какие же конкретно обстоятельства дела повлияли на размер взысканной суммы и послужили основанием для значительного уменьшения размера компенсации по сравнению с заявленной истицей.

Кроме того, суд не привел мотивы относительно степени вины работодателя, которая указана судом в числе обстоятельств, учитываемых при определении размера компенсации. А ведь сотрудник полиции, находившийся на рабочем месте в состоянии алкогольного опьянения, не только не был отстранен от службы, но более того - ему выдали табельное оружие, из которого он и выстрелил в сына заявительницы.

Таким образом, вывод суда первой инстанции о размере компенсации морального вреда ничем не мотивирован, в решении не приведены доводы в обоснование размера взыскиваемого ущерба со ссылкой на какие-либо доказательства, что не отвечает требованиям статей 195 и 198 Гражданского процессуального кодекса РФ о законности и обоснованности решения суда, считает В связи с чем Верховный Суд РФ определил отменить определение Мосгорсуда и направить дело на новое рассмотрение в апелляционную инстанцию [73].

Поскольку законодательство не содержит перечня доказательств, свидетельствующих о причинении истцу морального вреда, к исковому заявлению можно приложить любые документы и другие доказательства, прямо или косвенно подтверждающие причинение истцу моральных или физических страданий. В первом случае это могут быть документы и другие доказательства, подтверждающие обстоятельства, из-за которых истец пострадал нравственно (например, невозможность работать в связи с

действиями работодателя, невозможность жить полноценной жизнью в связи с прохождением лечения и т.д.). Доказательствами причинения истцу физических страданий также являются, например, документы, подтверждающие факт причинения вреда его здоровью: справки, выписки, заключения экспертиз.

Ответственность за причинение морального вреда предусмотрена действующим законодательством (ст. ст. 1099 - 1101 ГК РФ) в виде взыскания компенсации в денежной форме. Следовательно, в исковое заявление следует включать требование о взыскании с ответчика конкретной денежной суммы, которая, по мнению истца, компенсирует его нравственные и физические страдания. Требования о возмещении морального вреда в других формах (например, в виде извинений или других действий) будут отклонены как не предусмотренные действующим законодательством.

Критерии определения размера морального вреда законом не определены, поэтому в исковое заявление можно включить требование о взыскании с ответчика любой суммы. Итоговая сумма компенсации в каждом конкретном случае определяется судом с учетом требований разумности и справедливости, а также в зависимости от характера и объема причиненных истцу страданий и степени вины причинителя морального вреда. Как показывает практика, суды нередко снижают изначально запрошенную сумму.

В некоторых случаях сумма компенсации морального вреда может быть снижена в несколько раз по сравнению с первоначальной (Апелляционное определение Московского городского суда от 18 марта 2019 г. по делу № 33-4549/2019).

Обязанность доказать отсутствие вины в причинении вреда истцу возлагается на причинителя такого вреда (то есть на ответчика), поскольку ответственность за причинение морального вреда возлагается законом именно на него (п. 4 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 4, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20 декабря 2016 г.).

Закон предоставляет истцу право требовать возмещения морального вреда в достаточно обширном количестве ситуаций, в связи с чем доказательства наличия и характера страданий истца, наличия причинно-следственной связи между такими страданиями и действиями (бездействием) ответчика, а также доказательства степени вины ответчика в причинении морального вреда могут значительно отличаться в зависимости от обстоятельств конкретного спора.

При подаче иска следует учитывать, что с 1 октября 2019 г. действуют многочисленные изменения, внесенные в Гражданский процессуальный кодекс РФ (далее ГПК РФ), на основании Федерального закона от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ). В частности, последовали поправки в п. 3 ч. 2 ст. 131 ГПК РФ, действие которых приостановлено до 30 марта 2020 г., в силу Федерального закона от 17 октября 2019 № 343-ФЗ.

В настоящее время в исковом заявлении требуется дополнительно указывать следующие сведения об ответчике-гражданине: фамилию, имя, отчество (при наличии) и место жительства, а также дату и место рождения, место работы (если они известны) и один из идентификаторов (СНИЛС, ИНН, серия и номер документа, удостоверяющего личность, ОГРНИП, серия и номер водительского удостоверения, серия и номер свидетельства о регистрации транспортного средства).

В исковом заявлении гражданина один из идентификаторов гражданина-ответчика указывается, если он известен истцу. Для ответчика-организации в исковом заявлении потребуется назвать наименование и адрес, а также, если они известны, идентификационный номер налогоплательщика и основной государственный регистрационный номер (п. 3 ч. 2 ст. 131 ГПК РФ).

Кроме того, с 1 октября 2019 г. необходимо направлять другим лицам, участвующим в деле, копии искового заявления и приложенных к нему документов, которые отсутствуют у других лиц, участвующих в деле, и прикладывать к исковому заявлению уведомление о вручении или другие

документы, подтверждающие отправку. Такая обязанность предусмотрена и в том случае, если иск и приложенные к нему документы подаются в суд посредством заполнения формы, размещенной на официальном сайте суда в сети Интернет (п. 6. ст. 132 ГПК РФ).

Полагаем, подобные нововведения, по причине своей бюрократизированности и наличием фактически ничем необоснованных требований, будут являться серьезным препятствием для защиты гражданами своих прав в судебном порядке, в том числе и по вопросам компенсации морального вреда.

Выводы:

- процедуры реальной гражданско-правовой защиты прав, блага и интересов физических и юридических лиц, особенно в сфере компенсации морального вреда, имеют в нашей современной истории весьма короткий временной период;

- в данной сфере социальных отношений существует огромное количество нерешенных проблем, которые серьезно препятствуют позитивному развитию российского демократического общества и государства;

- одной из причин, способствующих негативным явлениям и возникновению конфликтов в нашей стране, является низкий уровень общей и индивидуальной правовой культуры граждан и должностных лиц, наделенных различным служебным статусом;

- правовая культура есть часть единой культуры российского общества, относящаяся к сфере действия права и выраженная в сознании, поведении и результатах деятельности людей;

- именно этот феномен, в значительной степени, воздействует на качество законов, на принятие судебных решений в области защиты прав, блага и интересов человека и гражданина;

- полагаем, что определенные научные изыскания по столь актуальной и злободневной тематике, как компенсация морального вреда и эффективная

защита имущественных и личных неимущественных прав будут способствовать дальнейшему совершенствованию соответствующих современных социальных отношений.

Заключение

Институт личных прав прошел долгий путь исторического развития в западной правовой традиции: попытки признания человеческой индивидуальности, свободы, достоинства и неприкосновенности, придания им правовой охраны обнаруживаются еще в памятниках древнего права. Однако современные целостные, концептуальные очертания данный институт приобретает лишь в настоящее время под влиянием естественно-правовых школ.

При этом, долгие годы (практически до 1980-х гг.) отечественная цивилистика развивала учение о личных правах в отрыве от доктрины прав человека, что было вызвано идеологическими причинами советского периода.

Исторически включение неимущественных отношений в предмет гражданского права было обусловлено задачами охраны имущественных интересов участника оборота. Личные права могут пониматься как в объективном, так и в субъективном смысле. В первом случае личные права представляют собой целостный институт частного права, как совокупность юридических норм, санкционированных правопорядком и признающих за гражданами наличие у них от рождения или в силу закона неотчуждаемых и непередаваемых нематериальных благ.

В свою очередь, субъективное личное право следует рассматривать как разновидность субъективных гражданских прав, а именно как официально, на основании закона, гарантированную меру личной свободы гражданина по реализации возможностей, заложенных в правовой норме, закрепляющей принадлежность человеку нематериальных благ.

Субъективные личные права обладают следующими признаками:

а) принадлежность физическим лицам, поскольку они являются производными от личности человека;

б) нематериальный характер указанных благ, принадлежность которых закрепляется данными правами;

в) абсолютность всех благ.

Объектом правовой охраны является не собственно само нематериальное благо (жизнь, здоровье, честь, достоинство и деловая репутация, имя и т.п.), а юридическая возможность носителя этого блага свободно и автономно распоряжаться означенным благом, а также требовать от третьих лиц уважения и соблюдения целостности и неприкосновенности данного блага.

Личные права осуществляются на основе двух общих принципов - невмешательства кого-либо в частные дела и диспозитивности. Последняя понимается, как осуществление прав по усмотрению управомоченного лица. Исключения из обоих принципов возможны лишь при наличии легитимирующего публичного интереса.

По общему правилу представительство при осуществлении личных прав не допускается. Однако в силу прямого указания закона, а также в условиях, когда отсутствуют основания полагать, что обратное противоречило бы основам правопорядка и нравственности, представитель может выступать в качестве помощника управомоченного лица при осуществлении последним принадлежащих ему личных прав. Например, родитель, как законный представитель, оказывает ребенку помощь юридического и фактического порядка при осуществлении права на имя.

Нематериальные блага требуют повышенной защиты со стороны правопорядка в силу их особенной ценности для граждан и затруднительности самостоятельной защиты без обращения к органам публичности власти. Наиболее распространенными в делах о защите личных прав являются диффамационные споры, в связи с чем возникает необходимость в разграничении понятий чести, достоинства и деловой репутации гражданина.

«Честь» охватывает комплекс объективно сформировавшихся и устоявшихся в социуме положительных представлений о должном поведении и личных характеристиках среднего, а не конкретного человека.

«Деловая репутация» отражает объективно сложившееся и устоявшееся в профессиональном сообществе представления о должном поведении и деловых качествах среднего, а не конкретного участника современного экономического и иного оборота.

В отличие от чести и деловой репутации достоинство как нематериальное благо представляет собой субъективную категорию, обозначающую внутреннюю, собственную самооценку физических и духовных качеств человека, его способностей, социального значения и т.п.

В современном правовом государстве гражданину, пострадавшему от нарушения личных прав должно быть обеспечено получение судебной защиты без прохождения предварительных легитимационных процедур. В частности, таковыми являются: досудебное урегулирование спора, медиация, направления претензии. Совершение подобных действий может быть осуществлено исключительно по воле самого гражданина.

Для целей защиты личных прав управомоченным лицом на диспозитивной основе могут быть использованы все три возможности, содержащиеся в праве на защиту, включая самозащиту гражданских прав, применение мер оперативного воздействия, а также обращение в юрисдикционные органы.

Компенсация морального вреда выступает как мера гражданско-правовой ответственности за нарушение личных прав граждан. К сожалению, на сегодняшний день отсутствует общепринятая методика определения размера компенсации морального вреда, хотя Верховный Суд РФ уже неоднократно пытался ее принять. В результате, суды не имеют четких ориентиров по делам соответствующей категории. Нередко, подобный подход влечет за собой, не отвечающую реалиям настоящего времени, символическую компенсацию морального вреда. Поэтому в результате

указанных причин, данная мера юридической ответственности не выполняет компенсаторную и превентивную функции.

На наш взгляд, справедливая компенсация морального вреда, прежде всего, это воплощение в жизнь конституционных принципов о приоритете человека, его прав и свобод, один из показателей реального правового государства.

Как показывает практика, на сегодняшний день не переломлены укоренившиеся с советских времен стереотипы, относящие денежную компенсацию морального вреда к «вредоносным» нетрудовым доходам.

Требование о компенсации причиненного истцу морального вреда в большинстве случаев заявляется в качестве дополнительного, наряду с другими требованиями. Тем не менее, суд вправе рассмотреть такое требование и в виде самостоятельного, поскольку в силу действующего законодательства ответственность за причиненный моральный ущерб не находится в прямой зависимости от наличия имущественного ущерба и может применяться как наряду с имущественной ответственностью, так и самостоятельно (п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда»).

Как показывает накопленный правоприменительный опыт, по делам о компенсации морального вреда, также возникают сложности с фиксацией и сбором доказательств, в том числе с дорогостоящим нотариальным обеспечением доказательств в глобальной сети Интернет.

По нашему мнению, необходимо внедрение в практику судов в качестве доказательств в гражданский процесс мер по обеспечению доказательств до предъявления иска в суд, а также внедрение в практику судов принятия в качестве доказательств иных средств доказывания: скриншотов, аудио и видеозаписей, осмотр спорной информации на Интернет-сайте.

Полагаем что необходима корректировка ч. 3 ст. 34 Закона РФ «О средствах массовой информации» в части увеличения срока хранения записи телепередачи. По общему правилу срок хранения записи телепередачи составляет один месяц, однако, в этой же статье установлен двенадцатимесячный срок хранения аудио- и видеоматериалов, касающихся предвыборной агитации или же агитации по вопросам референдума. Таким образом, частные интересы находятся в меньшей защите, чем публичные. Считаем необходимым установить единый срок хранения телепередач – двенадцать месяцев.

Относительно определения размера компенсации морального вреда выявлены проблемы в определении размера компенсации. Это связано с условиями ст. 151 и 1101 ГК РФ. На основании их положений судам надлежит учитывать заслуживающие внимания обстоятельства во взаимосвязи с индивидуальными особенностями лица, которому причинен вред. Однако вопросы о том, кто и как будет выявлять индивидуальные особенности и иные процедурные вопросы, остаются без разрешения. Возмещение морального вреда во многом остается «штрафной», а не компенсационной мерой.

В качестве одного из средств, направленных на снижение количества спорных вопросов, мы предлагаем официально закрепить в ст. 1101 ГК РФ не только понятие: «минимальный базовый размер компенсации морального вреда», но и конкретные, обоснованные критерии, характеризующие данное правовое нововведение. Считаем, что это позволит уйти от тотального субъективизма в расчетах размера компенсации морального вреда.

Помимо того, представляется необходимой разработка и внедрение комплекса мер, стимулирующих общественные процессы, направленные на профилактику и пресечение правонарушений, связанных с посягательством на нематериальные блага и личные неимущественные права граждан.

Список используемых источников и используемой литературы

1. Engel M. Jr., Comstock G.L. The Moral Rights of Animals. London, 2016. ISBN 9781498531900. - Текст : непосредственный.
2. Mautner T. How Rights Became «Subjective» // Ratio Juris. 2013. Vol. 26. № 1. P. 111 - 132. - Текст : непосредственный.
3. McCrudden Ch. Human Dignity and Judicial Interpretation of Human Rights // The European Journal of International Law. 2008. Vol. 19. № 4. P. 656 – 657. - Текст : непосредственный.
4. O'Callaghan P. Article 8 ECHR as a General Personality Right?: A Commentary on Axel Springer AG v. Germany [2012] ECHR 227 // Journal of European Tort Law. 2015. Vol. 6. № 1. P. 69 – 84. - Текст : непосредственный.
5. Tushnet, M. (1984) «An essay on rights», Texas Law Review, 62, pp. 1363-1403.
6. Агарков М.М. Право на имя [Текст] / М. М. Агарков //Сборник статей по гражданскому и торговому праву. Памяти профессора Габриэля Феликсовича Шершеневича. -М. : Статут, 2005. -С. 136 – 162. - Текст : непосредственный.
7. Бакаева И. В. Понятие и признаки нематериальных благ: законодательство, теория и практика // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2012. - № 4. С. 25 – 29. - Текст : непосредственный.
8. Барак Аарон. Судейское усмотрение. Перевод с английского. Под научной редакцией доктора юридических наук, профессора В.А. Кикоть, доктора юридических наук, профессора Б.А. Страшуна. - М.: Издательство Норма, 1999. - 376 с. - ISBN 5-89123-370-3. - Текст : непосредственный.
9. Белов, В. А. Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики в 2 т. Том 1. – 2-е изд. . – М. : Издательство Юрайт, 2017. – 484. – (Авторский учебник) . – URL: <http://www.biblio->

- online.ru/book/65EA425B-6459-4D39-95EC-40B71227ADD6 . – На рус.
яз. – ISBN 978-5-534-02221-6 . – ISBN 978-5-534-02223-0 : 74.79.
- 10.Борычева, Т.А. Гражданско-правовая охрана нематериальных благ
юридических лиц : автореферат дис. ... кандидата юридических наук :
12.00.03 / Борычева Татьяна Андреевна; [Место защиты: Рос. гос. акад.
интеллектуал. собственности]. - Москва, 2018. - 22 с. - Текст:
непосредственный.
- 11.Братусь, С.Н. Предмет и система советского гражданского права
[Текст]. - Москва : Госюриздат, 1963. - 197 с.; 22 см. - (Курс советского
гражданского права/ Всесоюз. ин-т юрид. наук). - Текст:
непосредственный.
- 12.Братусь, С.Н. Субъекты гражданского права [Текст] / проф. С.Н.
Братусь. - Москва : Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1950 (тип. «Кр.
пролетарий»). - 368 с.; 23 см. - (Курс советского гражданского права /
Всесоюз. ин-т юрид. наук М-ва юстиции СССР). - Текст:
непосредственный.
- 13.Брокгауз и Ефрон [Электронный ресурс] : энциклопедия: в 86 томах с
иллюстрациями и дополнительными материалами. — Электрон. дан. —
М. : ИДДК, 2004. — эл. опт. диск (DVD-ROM). — Систем. требования:
P 166MMX; 32 MB RAM; DVD-ROM; WINDOWS 98/ME/2000/XP;
SVGA. — ISBN 5-94522-526-6 (в кор.). – Текст : электронный.
- 14.Вешкурцева, З.В. Компенсация морального вреда при нарушении
личных неимущественных прав и при посягательстве на
нематериальные блага : диссертация ... кандидата юридических наук :
12.00.03 / Вешкурцева Зоя Валерьевна; [Место защиты: Рос. гос. акад.
интеллектуал. собственности]. - Москва, 2017. - 256 с. – Текст :
непосредственный.
- 15.Вильнянский, С.И. Лекции по советскому гражданскому праву
[Текст] / Проф. С. И. Вильнянский. - Харьков : Изд-во Харьк. ун-та,
1958. - 1 т.; 21 см. Ч. 1. - 1958. - 339 с. – Текст : непосредственный.

16. Витрук, Н.В. Общая теория правового положения личности / Н. В. Витрук ; Российская акад. правосудия. - Москва : Норма, 2008. - 447 с.; 22 см.; ISBN 978-5-468-00162-2 (В пер.). – Текст : непосредственный.
17. Воеводин Л. Д. Юридический статус личности в России. М. : Изд-во МГУ: Инфра-М- Норма, 1997. 299 с. библиогр. : С. 294-296. - Текст: непосредственный.
18. Возмещение морального (неимущественного) вреда / С. А. Беляцкий; Вступ. ст. Борисовой Е. А.; Юрид. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова. - М. : Юрид. бюро «Городец» : ILBE, 1996. - 75 с.; 21 см. - (Классика русской юридической литературы).; ISBN 5-89391-004-4 : Б. ц. (Классика русской юридической литературы). - Текст : непосредственный
19. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // Консультант плюс: справочно-правовая система.
20. Гражданское право Российской Федерации : учебник / [Садиков О. Н. и др.] ; под ред. О. Н. Садикова. - Москва : Контракт : ИНФРА-М, 2006- (Н.Новгород : Нижполиграф). - 22 см. - (Высшее образование). Т. 1. - 2006 (Н.Новгород : Нижполиграф). - 478 с.; ISBN 5-16-002631-2 (ИНФРА-М). - Текст : непосредственный.
21. Гришаев, С. П. Новое в законодательстве: правовое регулирование частной жизни в ГК РФ // Хозяйство и право. 2013. № 11. – Текст : непосредственный. С. 31-42.
22. Закон РСФСР от 19.12.1991 № 2060-1 «Об охране окружающей природной среды» // Консультант плюс: справочно-правовая система.
23. Иоффе О.С. Новая кодификация советского гражданского законодательства и охрана чести и достоинства // Советское государство и право. 1962. № 7. С. 61 - 62. - Текст: непосредственный.

- 24.Иоффе, О.С. Личные неимущественные права и их место в системе советского гражданского права // Советское государство и право. 1966. № 7. С. 51 - 59. - Текст : непосредственный.
- 25.Карномазов, А. И. Гражданско-правовое регулирование определения размера компенсации морального вреда : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.03 / Карномазов Андрей Иванович; [Место защиты: Ин-т государства и права РАН]. - Самара, 2010. – 226 с. - Текст : непосредственный.
- 26.Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Консультант плюс: справочно-правовая система.
- 27.Малеин, Н.С. Охрана прав личности советским законодательством / Н. С. Малеин; Отв. ред. А. И. Масляев. - М. : Наука, 1985. - 165 с.; 20см. - Текст : непосредственный.
- 28.Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. // М., 2000. - С. 23 – 39. – Текст: непосредственный.
- 29.Михайлова, И. А. Личные неимущественные права и нематериальные блага: традиционное понимание и новые подходы // Законы России: опыт, анализ, практика, 2012 № 4. С. 16-18. - Текст : непосредственный.
- 30.Монгуш, Б. С. Категория «правовые средства» применительно к защите субъективного гражданского права // Семейное и жилищное право. 2012. № 2. С. 43-45. - Текст : непосредственный.
- 31.Неимущественный интерес и непреодолимая сила в гражданском праве / Е. В. Пассек ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Каф. гражд. права юрид. фак. - М. : Консультант Плюс : Статут, 2003 (ОАО Яросл. полигр. комб.). - 397, [1] с.; 21 см. - (Классика российской

- цивилистики).; ISBN 5-8354-0172-8 (Классика российской цивилистики) - Текст : непосредственный.
32. Обзор практики по делам о неприкосновенности частной жизни публичных лиц в области политики, искусства, спорта // Консультант плюс: справочно-правовая система.
33. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.03.2016 // Консультант плюс: справочно-правовая система.
34. Ойгензихт, В.А. Воля и волеизъявление (Очерки теории, философии и психологии права) / Академия наук Таджикской ССР; В.А. Ойгензихт; Ответственный редактор – академик АН Таджикской ССР, доктор юридических наук, профессор С.А. Раджабов. – Душанбе: Издательство «Дониш», 1983. – 256 с. - Текст : непосредственный.
35. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 09.06.2005 года № 248-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Захаркина Валерия Алексеевича и Захаркиной Ирины Николаевны на нарушение их конституционных прав пунктом «б» части третьей статьи 125 и частью третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» // Консультант плюс: справочно-правовая система.
36. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 02.04.2019 № 49-КГ19-6 // Консультант плюс: справочно-правовая система.
37. Основы законодательства Российской Федерации о культуре / утв. ВС РФ 09.10.1992 года № 3612-1 // Консультант плюс: справочно-правовая система.
38. Подоплелова О., Рудт Ю., Черновол К. Обзор дел, рассмотренных Конституционным Судом Российской Федерации // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 5. С. 144-154. - Текст : непосредственный.

39. Постановление ВС РСФСР от 22.11.1991 1920-1 «О Декларации прав и свобод человека и гражданина» // Консультант плюс: справочно-правовая система.
40. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» от 15 июня 2010 года № 16. // Консультант плюс: справочно-правовая система.
41. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 23.06.2015 года № 25. // Консультант плюс: справочно-правовая система.
42. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» от 10.10.2003 года № 5 // [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».
43. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 № 10 (ред. от 06.02.2007) «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» // Консультант плюс: справочно-правовая система.
44. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 24.01.2017 № С01-1193/2016 по делу № А40-214554/2015 // Консультант плюс: справочно-правовая система.
45. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма / Александров Н.Г. - М.: Госюриздат, 1961. - 271 с. - Текст : непосредственный.
46. Редько, Е.П. Компенсация морального вреда как способ защиты гражданских прав : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.03 / Редько Евгений Павлович; [Место защиты: Байкал. гос. ун-т

- экономики и права]. - Иркутск, 2009. - 25 с. - Текст : непосредственный.
47. Российское гражданское право : учебник : в 2 т. / [В. В. Витрянский и др.] ; отв. ред. Е. А. Суханов ; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Юридический фак., Каф. гражданского права. - Москва : Статут, 2010. - 21 см. Т. 1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права [Текст]. - 2010. - 956, [1] с.; см.; ISBN 978-5-8354-0600-5. - Текст : непосредственный.
48. Российское гражданское право. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права/Суханов Е. А., 4-е изд., стер. - Москва : Статут, 2015. - 958 с. ISBN 978-5-8354-1000-2, 1000 экз. - Текст : электронный. - URL: <https://new.znaniium.com/catalog/product/501783> (дата обращения: 07.03.2020).
49. Русское гражданское право / В. И. Синайский. - Москва : Статут, 2002. - 636, [1] с.; 21 см. - (Классика российской цивилистики / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Каф. гражд. права юрид. фак.); ISBN 5-8354-0105-1. - Текст : непосредственный.
50. Санфилиппо, Ч. Курс римского частного права : учебник / Чезаре Санфилиппо ; [пер. с итал. И. И. Маханькова] ; под общ. ред. Д. В. Дождева. - Москва : Норма : ИНФРА-М, 2019. - 464 с. - ISBN 978-5-16-107291-2. - Текст : электронный. - URL: <https://znaniium.com/catalog/product/1003255>.
51. Серебровский В.И. Вопросы советского авторского права [Текст] / Акад. наук СССР. Ин-т права им. А. Я. Вышинского. - Москва : Изд-во Акад. Наук СССР, 1956. - 283 с.; 20 см. - Текст : непосредственный.
52. Сеницын С.А. Общее учение об абсолютных и относительных субъективных гражданских правах : дис. ... доктора юридических наук : 12.00.03 / Сеницын Сергей Андреевич; [Место защиты: Ин-т

- законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ]. - Москва, 2017. - 621 с. - Текст : непосредственный.
53. Слипченко С. А. Некоторые вопросы теории и практики личных неимущественных прав // Цивилист. - 2011. - № 2. С. 42-47. - Текст : непосредственный.
54. Средства массовой информации // [Электронный ресурс]: URL: / <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1149218> (дата обращения – 15.03.2020). - Текст : электронный.
55. Строгович, М.С. Основные вопросы советской социалистической законности [Текст] / АН СССР. Ин-т государства и права. - Москва : Наука, 1966. - 252 с.; 20 см. - Текст : непосредственный.
56. Сынгаевский Д. В. Мошенничество в глобальной сети Интернет как объект виктимологического исследования // Современный юрист, - 2013. - № 4. – С. 136-144. - Текст : непосредственный.
57. Табунщиков А. Т. Компенсация морального вреда в гражданском законодательстве Российской Федерации : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.03. - Белгород, 2005. - 150 с. - Текст : непосредственный. - Текст : непосредственный.
58. Тархов В.А. Гражданское право. Общая часть : [Курс лекций] / В. А. Тархов; Саратов. гос. акад. права, Чебокс. кооп. ин-т Моск. ун-та потребит. кооп. - Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1997. - 330,[1] с.; 22 см.; ISBN 5-7670-0998-8. - Текст : непосредственный.
59. Темникова Н. А. Реализация и защита личных неимущественных прав ребенка в семейном праве России : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.03 / Ур. гос. юрид. акад. - Екатеринбург, 2006. - 27 с. - Текст : непосредственный.
60. Терин В.П. Массовая коммуникация (исследование опыта Запада). — М.: Институт социологии РАН, 1999. 224 с. - Текст : непосредственный.

61. Толстая, Е.В. Способы защиты личных неимущественных прав по гражданскому законодательству : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.03 / Моск. гос. соц. ун-т. - Москва, 2002. - 20 с. - Текст : непосредственный.
62. Толстой, Ю.К. К теории правоотношения [Текст] / Ленингр. ордена Ленина гос. ун-т им. А. А. Жданова. - Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. - 87 с.; 22 см. - Текст : непосредственный.
63. Толстой, Ю.К. К теории правоотношения [Текст] / Ленингр. ордена Ленина гос. ун-т им. А. А. Жданова. - Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. - 87 с.; 22 см. - Текст : непосредственный.
64. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // Консультант плюс: справочно-правовая система.
65. Тюленев, И.В. Защита чести, достоинства и деловой репутации по российскому и международному законодательству : дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.03 / Тюленев Игорь Викторович; [Место защиты: Моск. акад. экономики и права]. - Москва, 2010. - 200 с. - Текст : непосредственный.
66. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» // Консультант плюс: справочно-правовая система.
67. Ульбашев А.Х. Краткий очерк развития института личных прав в странах Западной Европы // История государства и права. 2018. № 2. С. 52-57. - Текст : непосредственный.
68. Ульбашев А.Х. Общее учение о личных правах. Москва: Статут, 2019. 255 с. ISBN 978-5-8354-1593-9 (в обл.). - Текст : непосредственный.
69. Учебник русского гражданского права / Г. Ф. Шершеневич. — М. : Издательство Юрайт, 2016. — 532 с. — Серия : Антология мысли. ISBN 978-5-9916-9102-4. - Текст : непосредственный.

70. Фарбер И. Е. Свобода и права человека в советском государстве. — Саратов: СГУ, 1974 — 187 с. - Текст : непосредственный.
71. Федеральный закон от 02.07.2013 № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Консультант плюс: справочно-правовая система.
72. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 02.12.2019) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 13.12.2019) // Консультант плюс: справочно-правовая система.
73. Флейшиц Е.А. Личные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических стран [Текст] / Е. А. Флейшиц. - Москва : Юрид. изд. НКЮ СССР, 1941. - 207 с.; 23 см. - (Ученые труды / Всесоюз. ин-т юрид. наук НКЮ СССР; Вып. 6). - Текст : непосредственный.
74. Флейшиц Е.А., Маковский А.Л. Теоретические вопросы кодификации республиканского гражданского законодательства // Советское государство и право. 1963. № 1. С. 89 - 90. - Текст: непосредственный.
75. Фокс А. ВС запретил произвольно снижать сумму компенсаций морального вреда // Российская газета. 2019. 11 декабря. - Текст : непосредственный.
76. Шелютто М.Л. Гражданско-правовая защита деловой репутации юридических лиц // Журнал российского права. 1997. № 12. С. 33-42. - Текст : непосредственный.
77. Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики / А. М. Эрделевский. - 3-е изд., испр. и доп. - Москва : Волтерс Клувер, 2007. - XIII, [I], 304, [1] с. : ил., портр.; 22 см.; ISBN 978-5-466-00024-5 (В пер.). - Текст : непосредственный.
78. Эрделевский А.М. Об изменениях в способах защиты личных неимущественных благ // Хозяйство и право. - 2013. - № 11. - С. 24-31.